

18+

ОНА БОИТСЯ ТЬМЫ.
ОН УПРАВЛЯЕТ НОЧЬЮ.

СУМАСШЕДШАЯ Одержимость

ДАНИЭЛЬ ЛОРИ

Love & Mafia

Даниэль Лори

Сумасшедшая одержимость

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лори Д.

Сумасшедшая одержимость / Д. Лори — «Издательство АСТ»,
2019 — (Love & Mafia)

ISBN 978-5-17-152319-0

Ее платья – слишком облегающие, ее каблуки – слишком высокие. Она смеется чересчур громко, ест, позабыв о приличиях, а ее язычок такой острый, что не всякий рискнет перейти ей дорогу. Мало кто знает, что за маской уверенной в себе женщины прячется та, кто боится каждого шороха. Но на публике Джианна никогда не потеряет лица...по крайней мере, так она думала, пока не появился он. Многие видят в нем образцового поборника нравственности, агента спецслужб, стоящего на защите закона. В криминальном подполье Нью-Йорка, впрочем, его знают как мошенника и убийцу с характером холоднее, чем сердце в его груди. Кристиан Аллистер всегда следовал жизненному пути, который распланировал для себя с юных лет, проведенных под яркими лампами в промозглой, сырой тюремной камере. Благодаря склонности к порядку и фиксации на числе три ему еще ни разу не доводилось сбиваться с намеченного курса. Но, возможно, не стоит быть столь уверенным в своем будущем. Одной зимней ночью их судьбы переплетаются. Она ненавидит его – его холодные манеры, его заносчивость, его слишком внимательный взгляд. Но с годами их игры во взаимные оскорбления превращаются в привычку. В планах Кристиана никогда не было Джианны. Она – само воплощение хаоса, совсем не в его вкусе и замужем, но ничего из этого не мешает ему каждый раз провожать ее взглядом. И все это время она не знала, что принадлежит ему: она его безумие и его вдохновение. Его самая сумасшедшая одержимость.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152319-0

© Лори Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Примечание автора:	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	21
Глава четвертая	36
Глава пятая	39
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Даниэль Лори

Сумасшедшая одержимость

Danielle Lori

The Maddest Obsession

Печатается с разрешения литературного агентства Danielle Lori LLC

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form without written consent of the author, except by a reviewer who may quote brief passages for review purposes only. This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are used fictitiously and are a product of the author's imagination.

Русификация обложки *Ольги Жуковой*

© Danielle Lori, 2019

© Никулина А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Моему брату Кори.

*Ты всегда хотел совершить что-то неординарное, и у тебя это
получилось.*

Ты раньше всех нас добрался до рая.

Я буду любить тебя вечно.

Примечание автора:

«*Сумасшедшая одержимость*» охватывает семь лет жизни Жианны, от двадцати одного до двадцати восьми лет, поэтому я разбила книгу на две части: прошлое и настоящее. В первой части каждая глава от лица Жианны будет касаться нового года ее жизни, а вот с точки зрения Кристиана мы увидим только несколько дней.

Во второй части вы вернетесь в настоящее, происходящее параллельно событиям книги «*Сладостное забвение*». Так что, если вы еще не читали «*Сладостное забвение*», но планировали это сделать, настоятельно рекомендую начать именно с нее, а после приступить к прочтению «Сумасшедшей одержимости».

Даниэль

Часть первая Прошлое

Глава первая Кристиан

Нью-Йорк
Сентябрь 2015

– Расскажите один факт о себе.

Тиканье часов заполняло пространство между нами. Теплые цвета, удобные кресла – эта комната должна была быть уютной, но атмосфере в ней об этом сказать забыли; воздух был затхлым и душным, словно каждая произнесенная ложь оставалась в этом помещении навсегда.

Я прищурился, мысленно возвращаясь к тому, как подмигнул мне вчера Кайл Шитс. Он тоже через все это недавно прошел, хоть и по другому обвинению, и каким-то образом выболтал себе прощение за анимешную порнуху на офисном компьютере. Хотя я и был воплощением лжи, от перспективы оказаться в одной категории с тем подонком меня перекашивало. Да он же кроссовки с костюмом носит, черт возьми!

Потерев подбородок ладонью, я честно признался:

– Я увлекающаяся натура.

Доктор Саша Тейлор не сдержала мелькнувшее в глазах удивление и, чтобы скрыть эту инстинктивную реакцию, опустила взгляд на папку с делом. На ее костюме не было ни единой складки. Она закончила Йельский университет и происходила из богатой семьи. Тридцатидолетняя и светловолосая, она была олицетворением того, что я искал в женщинах: ум, красота, стиль.

– И чем увлекаетесь? Алкоголь? – спросила она.

Я покачал головой.

– Наркотики?

«Жить было бы проще».

– Женщины?

«Женщина».

Я снова покачал головой, но на этот раз с улыбкой.

Она перевела взгляд на мои губы, сглотнула и отвела глаза.

– Мы еще вернемся к этому вопросу. – Она сделала паузу. – Вы знаете, почему находитесь здесь?

Я ответил ей пустым взглядом.

Она вздрогнула.

– Ну конечно же знаете. Связан ли... тот случай... с вашим увлечением?

Я сконцентрировался на ее ярко-красных туфлях, возненавидев себя за то, что моей слабостью не было что-нибудь помельче, вроде аниме-порно. Не задумываясь обменял бы на это свою проблему.

«Ты публично прокололся, Аллистер. Следуй протоколу, больше я ничего сделать не могу».

Эти слова подвели меня под монастырь.

Я не был хорошим человеком, а мои работодатели были и того и хуже. Тем не менее я очень рано понял, что мир не делится на черное и белое. Иногда люди перемазываются в черном так сильно, что уже не могут вернуться на свет, а иногда тьма оказывается для них *подходящей*. Хотя я и не относил себя к последним, я не собирался рисковать всем, чего достиг. Я слишком упорно добивался своей цели, чтобы потерять все из-за женщины. И уж тем более из-за женщины, которая одевается, как плод любви Бритни Спирс и Курта Кобейна.

– Нет, – соврал я.

Если бы я был с ней честен, то меня бы упекли в психушку, но, что еще вероятнее, – Бюро бы заставило Сашу Тейлор исчезнуть навсегда.

– Некоторые считают, что дело в женщине, – осторожно предположила она.

Я вскинул бровь.

– Вы одна из этих *некоторых*, Саша?

– Нет.

– Почему?

– Вы выглядите слишком... рассудительным, чтобы так вести себя из-за женщины. «Холодным». Вот что она на самом деле хотела сказать.

И она была права – по крайней мере, могла бы быть, – но в той раздражающей ситуации, из-за которой я здесь оказался, не было ничего обычного. Холод всегда был мне близок, в самом буквальном смысле этого слова, но теперь мне до него было как до Багдада. Внутри моей груди пылал огонь, и его языки дотягивались до останков души.

Саша поерзала и закинула ногу на ногу.

– Возвращаясь к вопросу о вашем увлечении... Вы часто позволяете себе получить желаемое?

От одной только мысли о том, что я бы мог вкусить желаемую сладость, сердце забилось быстрее, а мне стало жарко и беспокойно. Я ненавидел ту женщину за то, что она на долгие годы превратила мою жизнь в ад, но отрицать было бесполезно – я хотел ее коснуться, хотел трахнуть ее так, чтобы она забыла всех других мужчин в своей жизни, чтобы она стала хотя бы в половину так же одержима мной, как я был ею, чтобы она больше никогда в жизни не забыла мое имя.

Я провел языком по зубам и затолкал эти чувства как можно глубже, но это совершенно не помогло расслабиться.

– Никогда.

– Почему?

Я встретился с ней глазами.

– Потому что тогда оно победит.

– А вы не любите проигрывать? – Она закончила предложение с выдохом.

Казалось, я почти мог слышать отчаянный стук ее сердца, пока мы смотрели друг на друга в душной тишине.

Она заправила за ухо прядь волос и перевела взгляд на свои бумаги, пробормотав:

– Да, не любите.

Тиканье часов грубо вторглось в наш разговор, напоминая грозящую взорваться бомбу. Саша бросила на них взгляд и сказала:

– Последний вопрос, прежде чем наша встреча подойдет к концу. Как вы справляетесь со своим «увлечением»?

«Легко».

– С помощью порядка.

– Вы предпочитаете порядок? – переспросила она. – В каких областях?

– Во всех.

Она покраснела и прочистила горло.

– А что вы делаете, когда в вашу жизнь врывается беспорядок?

Перед моими глазами мелькнули густые волосы – иногда каштановые, иногда светлые, – гладкая оливковая кожа, босые ноги и все остальное, что было для меня запретно.

Огонь в моей груди разгорелся еще жарче, стало тяжело дышать. Обычно боль действовала на меня как наркотик, но когда речь шла о Жианне Руссо – простите, *Марино*, – боль становилась похмельем. Тошнотворным. Отвратительно горьким.

Я ответил сквозь стиснутые зубы:

– Тогда я его упорядочиваю. – Поднявшись на ноги, я застегнул пиджак и направился к двери.

– Но что, если случай запущенный? – надавила она, вскакивая на ноги и сжимая мое дело в руках.

Я остановился, держась одной рукой за дверную ручку, и бросил взгляд на запястье, где под манжетой рубашки скрывалась резинка для волос.

Внутренний голос призывал ответить язвительно.

– Вот тогда, Саша, я становлюсь *одержим*.

Глава вторая

Джианна

21 год

Декабрь 2012

Я нашла свое счастье в свернутой долларовой купюре и белом порошке.

Иногда они приносили мне эйфорию – такую эйфорию, от которой бурлит кровь в венах, сердце колотится быстрее и весь мир падает к твоим ногам. Как после секса, только без чувства пустоты.

А иногда они были лишь инструментом. Одна дорожка – и все неурядицы, каждый синяк, стирались из памяти. Всего одна дорожка – и я становилась свободной.

Порой это заканчивалось резким порывом воздуха и скрипом захлопывающейся передо мной металлической двери.

Эхо рикошетом отскочило от стен и ударило по барабанным перепонкам как пинбольный шарик. Я сглотнула, услышав, как закрылся засов.

Шагнув вперед, я схватилась за железные прутья.

– Мне же положен один звонок, правда?

Полицейская, латиноамериканка лет двадцати с чем-то, положила руки на пояс и, нахмурив темные брови, окинула меня взглядом.

– Сегодня не твой день, принцесса. Если мне придется смотреть на это отвратительное платье, – она кивнула на мое красное, восхитительно кружевное платье от «МакКвин», – еще хоть минуту, у меня голова будет раскалываться до конца смены.

Я попыталась прикусить язык, но не успела.

– Можешь сколько угодно винить в этом мое платье, но мы обе знаем, что башка у тебя будет трещать из-за старческого пучка на твоей макушке, *cogliona*.

Прищурившись, она шагнула в мою сторону.

– Как ты меня назвала?

– Воу, – вмешалась другая полицейская, положив руку на плечо коллеги. – Мартинез, пойдем.

Латина враждебно посмотрела на меня, а потом удалилась вместе с напарницей.

Я развернулась, уже готовая начать метаться от стенки к стенке, но обнаружила, что в камере не одна. Рыжая проститутка, давно уже не в расцвете сил, сидела в углу и наблюдала за мной сквозь слипшиеся от туши ресницы. Ее тональник был на несколько тонов темнее бледной кожи, а сетчатые колготки в дырках.

– Они не забрали твою обувь.

Я взглянула на свои красные туфли от «Джимми Чу».

– Красивые, – сказала она, отколупывая лак с ногтей.

Посмотрев на ее голые ноги, я вздохнула и села на лавку рядом с ней.

Они не забрали мою обувь, потому что мне не грозило остаться в камере надолго. Вне всяких сомнений, уже через несколько минут за мной должна была прийти какая-нибудь важная шишка в костюме не по размеру, чтобы отвести меня куда-нибудь, где есть диван и кофе – чтобы там, в комфорте, я разговорилась и вывалила им все секреты «*Коза Ностра*».

«*Позорище*».

«*Ничтожество*».

«*Как тебя любить такую?*»

Я пожевала нижнюю губу, чувствуя, как в груди зарождается тревога.

– Сколько стоили? – спросила моя соседка, и в тот же момент в конце коридора хлопнула дверь. От эха этого звука волосы на моих руках встали дыбом.

Я слышала его раньше, чем увидела.

И сразу поняла, что за мной прислали федерала.

Профессиональный и безразличный голос с неуловимой ноткой в каждом слове, острый и жесткий, словно тайный грех, который держат запертым глубоко в душе.

Его следующее слово – *Джианна* – скользнуло по моей шее словно прикосновение стальных крыльев к чувствительной коже. Я стерла это ощущение рукой, перекинув волосы через плечо.

– Думаю, неприлично много, – наконец ответила я, звуча так, словно забыла, как дышать.

Проститутка кивнула, как будто ей что-то стало понятнее.

Она была очень красива – несмотря на макияж, помутневшие от злоупотребления наркотиками глаза и годы обслуживания, конечно же, самых лучших мужчин Нью-Йорка.

Родственная душа, иначе и не назвать.

Голос федерала снова донесся до моих ушей, на этот раз ближе; он разговаривал с Мартинез. Шум в других камерах мешал, но я слышала, как смягчился ее голос, как дали о себе знать латинские корни в ее произношении.

Я закатила глаза. Служебный роман.

«Как это мило».

Впрочем, непохоже, что он купился. Я кожей чувствовала его незаинтересованность, слышала холод в его голосе.

Меня пробрала дрожь.

Господи Боже, он всего лишь *федерал*. Меня с рождения окружали мафиози.

Я откинулась назад с безразличием, от которого на самом деле была далека, и накрутила на палец прядь темных волос.

Помещение стало меньше, стены вокруг меня начали смыкаться, как и много раз до этого.

Я медленно вдохнула. Выдохнула.

Повернула голову и выглянула.

Мартинез стояла в коридоре и смотрела в спину направлявшегося ко мне федерала с чистейшим и безответным обожанием во взгляде.

Наверное, все мы в каком-то смысле родственные души.

Металлические прутья разделяли его силуэт, пока он шел мимо других камер, не удостоивая их взглядом. Непринужденная походка, расправленные плечи, расслабленные руки – все его естество излучало уверенность в себе и сулило сплошное разрушение, словно кирпичи, цемент и женские сердца превращались в пепел по одной его прихоти.

Он поднял глаза и поймал мой взгляд своим, тяжелым и бесстрастным, словно смотрел сквозь меня.

Мое сердце заледенело в груди.

Мы смотрели друг на друга всего секунду, но момент растянулся как в замедленной съемке и выбил весь воздух из моих легких. Я скрестила ноги, обнажив бедра. Чувство безопасности окутало меня теплым одеялом. Пока мужчины смотрят на мое тело, они никогда не увидят то, что кроется в моем взгляде.

И все равно, дойдя до моей камеры, первым делом он заглянул мне в глаза. Бессердечные. Наглые. *Синие*. Его взгляд обжигал, как если бы я стояла в жаркий летний день перед открытой дверцей холодильника, когда холодный воздух сталкивается с горячим и становится облачками пара.

Он стоял перед запертой дверью, и я кожей чувствовала исходящую от него опасность даже с расстояния нескольких метров. Не оставалось никаких сомнений, что на самом деле дверь запирала его, а не меня.

Тусклый коридорный свет мерцал над его головой.

Темные волосы, явно рукой мастера, были коротко сбиты на висках, с плавным переходом на макушку. Широкие плечи, четкие черные линии, костюм, идеально подогнанный под его спортивное тело. Контроль. Точность. Все в его внешности кричало об опасности, как яркие полосы на ядовитой змее.

Но примечательнее всего было его лицо. Симметричное, с безупречными пропорциями. Даже холодное, каменное выражение его не портило. На второй взгляд обнаруживалось тело, из тех, от одного вида которого женщины стонут, а на третий – в каждом его движении прослеживался интеллект, словно все вокруг были шахматными фигурами, а он размышлял, как нами лучше сыграть.

Дверь камеры открылась, мое сердце подскочило, и я переключила внимание на бетонную стену перед собой.

– Руссо.

«Ну уж нет».

«Ни за что».

Если я пойду с ним, меня продадут в рабство и больше никто никогда меня не увидит. Федерал или нет, но судя по глазам и общему впечатлению, этот мужчина видел и делал такие вещи, которые нормальному мафиози и не снились.

Я молчала.

Я твердо собиралась сидеть здесь и ждать другого федерала – того, что в костюме не по размеру.

Он бросил взгляд на проститутку.

– Меня зовут Черри, – сказала она с улыбкой, – но ты можешь звать меня как угодно.

У некоторых женщин напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

Он потер пальцем часы на запястье, один раз, два, три.

– Я учту, – последовал краткий ответ.

Моя кожа вспыхнула, когда он переключил внимание на меня. Его глаза скользнули по моему телу, оставляя за собой дорожку из льда и пламени, а затем неодобрительно сузились. И в этот момент все то опасение, что он вызывал, глядя на меня, как на человека, а не как на тело, испарилось, и он превратился в обычного мужчину.

Который меня осуждал, чего-то от меня хотел...

– Вставай.

...и говорил мне, что делать.

Раздражение лениво и осторожно загоралось в моей груди.

Я собиралась подождать три секунды, прежде чем подчиниться, но через две внезапно и очень четко поняла, что до третьей не доживу.

Подчинившись, я поднялась на ноги и остановилась перед открытой дверью. Теперь я стояла в его тени, и даже она казалась ледяной.

Я ненавидела высоких мужчин, то, как они всегда смотрели на меня сверху вниз и нависали, как туча, закрывающая солнце. Крупные мужчины заправляли всем с незапамятных времен – в тот момент, взявшись за металлические прутья и посмотрев в синие глаза, я ни в чем в жизни не была так уверена.

В ответ на меня смотрело чистое нетерпение.

– Не знаешь, как тебя зовут, или забыла? – его плавный и низкий голос огнем прошелся по моему позвоночнику.

Я дернула плечом и, словно это что-то объясняло, ответила:

– На тебе костюм нормально сидит.

– Чего не могу сказать о тебе, – протянул он.

«Вот же хамло».

Я прищурилась.

– Это платье от «МакКвин», и сидит оно на мне идеально.

Судя по его лицу, ему было бы плевать, даже если бы ему заплатили за интерес. Он открыл дверь, и мою кожу обдало холодным порывом воздуха.

– Пошла, – приказал он.

То, как он это сказал, действовало мне на нервы, но я уже назвалась груздем, пора было лезть в кузов. С колотящимся в ушах сердцем я вышла из камеры, нырнула под его руку и направилась по коридору.

Со всех сторон раздался свист.

Может, моя кожа и была мягкой, но за двадцать один год жизни под ней сформировалась броня. Слова, насмешки и свист отскакивали от меня и исчезали в небытии – там, где умирают синяки.

В кровь хлынул адреналин. Резкий свет. Затхлый воздух. Скрип ботинок полицейских.

Дойдя до развилки в конце коридора, я была так увлечена мыслями о своем положении и мужчине позади меня, что, когда он велел повернуть направо, повернула налево.

– Другое право. – От меня не укрылась раздраженная нотка в его голосе, будто я была растяпой, попусту тратящей его время.

Я возмущенно вспыхнула, и слова сами сорвались с моих губ, как это частенько случалось:

– Было бы неплохо заранее знать, куда я иду, *stronzo*.

– Не думал, что тебе нужно столько времени, чтобы осознать простое указание, – откликнулся он и сменил тон на мрачный: – Назовешь меня мудаком еще раз, Руссо, и я гарантирую, последствия тебе не понравятся.

Его слова стегнули меня по спине, и вот уже я ненавидела этого мужчину за то, что он знал итальянский.

Выйдя в вестибюль, я увидела входные двери. Я страстно желала оказаться по ту сторону, но, честно говоря, была готова остаться и здесь, лишь бы никуда не идти с этим человеком.

Федерал в плохо сидящем костюме, которого я ожидала, должен был попытаться аккуратно выпросить у меня секреты «Коза Ностра». В худшем случае это бы включало ладонь, оказавшуюся слишком высоко на моем бедре, но он бы никогда не стал *бить* женщину. Я сглотнула, наблюдая за мужчиной, что в итоге достался мне, пока он отошел к стойке регистрации. Большой и неприступный. Холодный и, вероятно, абсолютно невосприимчивый к женским чарам.

К каким тактикам он прибегает при допросе? пытки водой? *Электрический ток*? Это вообще кто-то до сих пор применяет?

Живот свело от страха.

Один полицейский значок, второй, третий – они сливались в золотые и серебряные вспышки перед моими глазами, и меня начинало мутить.

Я прошла дальше в комнату и встала рядом с федералом.

– А почему я не в наручниках? – спросила я, наблюдая, как двое полицейских выводят из дверей скованного заключенного.

Он три раза постучал пальцем по столешнице – тук, тук, *тук* – и с удивлением покосился на меня.

– А тебе хочется? – спросил он с явным пошлым намеком, и я убедилась в двух вещах: он и правда был мудаком и уже приковывал женщину к постели.

От неожиданного ответа мое сердце забилось сильнее, и, чтобы это скрыть, я изобразила скуку.

– Спасибо за предложение, но я замужем.

– Я так и понял по булыжнику на твоём пальце.

Я перевела взгляд на свое кольцо и, по какой-то глупой причине, искренне возмутилась тому, насколько этому человеку было плевать, что его пленницу ничто не сковывает. А вдруг я была серьезной угрозой для него и окружающих?

– Я ведь и убежать могу, знаешь, – сказала я, совершенно не намереваясь этого делать.

– Попробуй.

Это было одновременно и вызовом, и угрозой.

По позвоночнику пробежал холод.

– И что, будешь собой доволен, когда поймашь девчонку в два раза меньше себя?

– Да.

И ни капли сомнения в голосе.

– В этом-то ваша проблема, федералы. Любите злоупотреблять своим авторитарным положением.

– Служебным, – поправил он.

– Что?

– Обычно говорят «пользоваться *служебным* положением».

Я скрестила руки на груди и, прищурившись, оглядела вестибюль. Могу поклясться, что каждая женщина в помещении притормаживала, чтобы получше рассмотреть моего спутника. Полицейская среднего возраста, годившаяся ему в матери, бесстыже пялилась, подталкивая к нему планшет с другого конца стойки.

Он подписал бумаги и протянул их обратно полицейской, которая даже не мигала. Бьюсь об заклад, женщины ежедневно раздували его неимоверное эго.

Кто-то положил на стойку мою шубу из искусственного меха и сумочку. Мою грудь тут же сдавило волной тревоги.

«*Да не может быть, чтобы током*».

– Надевай шубу, – приказал он.

Я замерла и стиснула зубы, потому что уже *буквально* была одной рукой в рукаве, когда он это сказал.

Он взял мою сумочку, расшитую пайетками, и посмотрел на искусственные павлиньи перья так, словно они могли быть переносчиками малярии. Между прочим, я сделала эту сумочку сама, и она была прекрасна. Вырвав ее из его рук и повесив на плечо, я направилась к дверям.

Затем резко остановилась и направилась обратно к стойке, на ходу снимая туфли.

– Можете проследить, чтобы моя соседка по камере – ее зовут Черри – их получила?

Полицейская посмотрела на меня пустыми глазами.

Я ответила ей тем же.

Она наклонилась через стойку, чтобы посмотреть на мои босые ноги с белым лаком на ногтях, и выпрямилась, шурша накрахмаленной униформой.

– На улице уже час идет снег.

Я моргнула.

– Вы хотите отдать опиоидной проститутке... – она наклонила туфлю, чтобы заглянуть внутрь, – ...туфли от «Джимми Чу»?

Я просияла.

– Да, пожалуйста!

Она закатила глаза.

– Не вопрос.

– Отлично, – воскликнула я, – спасибо!

Развернувшись, я была встречена ледяным взглядом, который, уверена, женщину слабее мгновенно бы превратил в статую. Он коротко кивнул в сторону выхода.

Я вздохнула.

– Хорошо, офицер, но только потому, что вы так вежливо просите.

– Агент, – поправил он.

– Агент кто? – Я толкнула дверь. Парковка была припудрена снегом, сверкающим под светом четырехглавых фонарей. Декабрьский воздух обдал мои голые ноги и несчастные пальчики, холод тут же попытался затянуть меня в свои объятия.

Он наблюдал за происходящим поверх моей головы и прищурился, глядя на мои босые ноги.

– Аллистер.

– И какая же машина ваша, агент Аллистер?

– Серебряный «Мерседес» на обочине.

Я собралась с духом и спросила:

– Откроешь мне?

Прежде чем он успел ответить, я бросилась к машине. Холод обжигал пятки, а его взгляд прожигал дырку в спине.

Он не открыл машину.

Я стояла, прыгая с одной ноги на другую и дергая ручку пассажирской двери, пока он неторопливо шел к машине.

– Открой дверь, – сказала я, выдыхая облачка пара.

– Перестань дергать за ручку.

«Унс».

Дверь открылась, и я плюхнулась на сиденье, потирая ноги о коврик, чтобы согреться.

Его машина пахла кожей и им. Я была уверена, что его одеколон был изготовлен специально под костюм, но надо было признать: результат стоил потраченных денег. Запах был хорош и даже немного затуманил сознание, пока я не сморгнула наваждение.

Аллистер сел в машину и захлопнул дверь, а я постаралась не обращать внимание на то, что его присутствие грозило поглотить меня.

Мы отъехали от участка в тишине – в напряженной, но почти комфортной.

Покопавшись в сумочке, я нашла жвачку, и салон наполнился шуршанием обертки. Он не отвел взгляда от дороги, но едва заметно покачал головой, показывая, какой несуразной меня находит.

Пусть встает в очередь.

Я лопнула пузырь жвачки и обвела взглядом безупречно чистый салон автомобиля. Ни единого чека. Ни одного стакана с напитком. Ни пылинки. Либо он только что убил человека и заметал следы, либо у этого федерала были зачатки ОКР.

Я всегда была слишком любопытной.

Скомкав обертку, я попыталась выбросить ее в подстаканник. Тем взглядом, которым меня одарили, можно было убить.

Похоже, что ОКР.

Я сунула обертку в недра своей сумочки.

Скрестила ноги, надула пузырь.

Лопнула его.

Тишина была такой оглушительной, что я потянулась включить радио, но он одним взглядом заставил меня передумать. Я вздохнула и откинулась на сидение.

– Расскажи, как давно ты замужем.

Я нахмурилась, глядя на лобовое стекло. Этот мужчина не задавал вопросы – приказывал рассказать ему то, что он хотел знать. Впрочем, молчание можно было интерпретировать как угодно, так что я ответила:

– Год.

– Молода для невесты.

Я стала разглядывать свои ногти.

– Да, наверное.

– Так, значит, ты родом из Нью-Йорка?

– Если бы, – пробормотала я.

– Не нравилось дома?

– Что мне не нравится, так это твои попытки вести непринужденный разговор, которые должны из меня что-то вытрясти. Мне нечего тебе сказать, можешь возвращать меня в тюрьму.

Его рука задела мою, лежащую на центральной консоли, и я отодвинулась подальше от него, переместив ноги на другую сторону. Это его машина была такой тесной или дело было во мне? Печка едва работала, но мне было жарко. Я стянула шубу и бросила ее на заднее сиденье.

Он покосился на меня.

– Нервничаешь?

– Я не нервничаю из-за федералов, Аллистер. У меня на вас аллергия.

Я проигнорировала его взгляд, скользнувший по локонам волос, красному кружеву на животе, сквозь которое был виден бриллиантовый пирсинг пупка, и босым ногам.

– Если бы ты не одевалась как проститутка, тот коп, который тебя остановил, не стал бы тебя обыскивать.

Я соскрестила зубами жвачку с пальца и улыбнулась ему.

– Если бы ты не выглядел как эгоцентричный ублюдок, тебе бы могло хоть иногда перепадать в постели.

Уголок его губ дернулся.

– Рад слышать, что для меня еще не все потеряно.

Я закатила глаза и отвернулась к окну.

– Сегодня, видимо, был какой-то праздник, – протянул он.

– Нет.

– Нет? У тебя всегда с собой столько порошка в обычные дни?

Я пожала плечами.

– Может быть.

– И чем ты за него платишь?

– Деньгами.

Я надула пузырь.

Лопнула его.

Аллистер сжал челюсти, и я почувствовала удовлетворение.

– Поэтому ты вышла за него замуж? – Он посмотрел на меня. – Ради денег?

Грудь распирало от злости, но я не удостоила его ответом. Стоило ему задать следующий вопрос, как я не выдержала.

– Ты хотя бы верна ему, охотница?

«Охотница? В смысле, за деньгами?»

– Да как будто у меня был выбор! *Vaffanculo a chi t'è morto!*

Он обжег меня мрачным, пылающим взглядом.

Я сжала губы.

«Черт возьми».

Он только завел разговор, а уже вынудил сознаться, что у меня не было выбора в вопросе брака с Антонио.

– Тебя мама никогда не учила вежливости?

Я не ответила. Я бы сказала ему, что моя мама была самой лучшей на свете, и он бы тут же догадался, что мой папá запер бы меня в комнате на три дня быстрее, чем услышал бы конец фразы.

– Превышать скорость, пока у тебя наркота, мягко говоря, глупо.

Я фыркнула. Мне хотелось игнорировать его, но я не могла удержаться от ответа. Для меня игнор был подобен открытой ране в груди, и мне становилось дурно от одной только мысли, что я могу заставить кого-то другого чувствовать себя так же. Что забавно, ведь я только что послала этого мужчину переспать с его мертвыми предками. У итальянцев хорошая фантазия на оскорбления.

– Всего на *четыре* километра превысила ограничения.

Он постучал пальцем по рулю.

– Кто научил тебя водить? Разве «*Коза Ностра*» не любит держать своих женщин глупыми и покорными?

– Очевидно, нет, потому что этому меня научил мой муж.

Я не собиралась признаваться, что Антонио давал мне гораздо больше свободы действий, чем любой другой мужчина «*Коза Ностра*» позволил бы своей жене. Антонио много чего мне дал. Может быть, из-за этого у меня плохо получалось ненавидеть его за то, что он отнял.

– И как он отреагирует, когда я отпущу тебя домой?

– А как твоя мама отреагирует, когда ты вернешься домой после отбоя?

– Ответь на вопрос.

Я стиснула зубы и постаралась заглушить растущую злость, опустив солнцезащитный козырек и поправив перед зеркальцем волосы.

– Ты спрашиваешь, бьет ли меня муж? Нет, не бьет. – Форма «*бьет*» подразумевала многократность, так что, технически, это была правда.

Он прожег мою щеку взглядом.

– Из тебя плохая врунья.

– А ты меня раздражаешь, Аллистер. – Я захлопнула козырек.

Атмосфера становилась тяжелой и давящей, его присутствие, крупное тело и плавные движения смыкались вокруг меня, как те стены.

– Он любит тебя?

Аллистер спросил об этом равнодушно, словно это было не важнее моего любимого цвета. Тем не менее этот вопрос поразил меня, как удар в живот. Я уставилась прямо перед собой, все внутри меня сжалось. Он нащупал мою слабость и собирался бить в нее, пока я не истеку кровью. Ненависть обжигала мои внутренности кислотой.

Я бы предпочла, чтобы вместо этих вопросов меня били током.

Внезапно я возненавидела этого мужчину за то, что он влез ко мне в голову со своими вопросами и обнажил те части меня, которые я никому не показывала.

Я надула пузырь.

Лопнула его.

И тут его терпение тоже лопнуло.

Он вытащил сдувшийся пузырь из моего рта и выкинул его в окно.

Я уставилась на него, борясь с желанием слизнуть с губ неприятное ощущение его пальцев.

– Ты мусоришь.

Его взгляд был безразличным.

Агент Аллистер не заботился об окружающей среде.

Ничего удивительного.

Он вернул руку на руль, и мне внезапно стало интересно, насколько запущено его ОКР. Станет ли он оттирать мою слюну с пальцев отбеливателем, когда вернется домой? Впрочем, мне очень быстро наскучило думать о федерале, и я снова отвернулась к окну, чтобы посмотреть на оранжевый свет проносящихся мимо фонарей и на снежинки, похожие на крошечные тени в ночи.

– Как часто?

Размытый вопрос, но по его тону я поняла, что мы сделали круг и снова вернулись к вопросу о том, бьет ли меня муж.

– Каждую ночь, – сказала я с намеком. – Заставляет меня кричать так громко, что соседи просыпаются.

– Да? И тебе нравится спать с мужчиной намного старше?

Внутри меня разлилось жгучее раздражение. Я протянула руку, включила радио и холодно ответила:

– Уверена, что он повыносливее тебя.

Он даже не соизволил ответить. Я услышала всего секунду какого-то политического шоу, прежде чем он снова выключил радио. Каким монстром надо быть, чтобы предпочитать подобное музыке?

Тишина продлилась недолго, так как он снова ее нарушил.

– Твой пасынок старше тебя, – заметил он. – Должно быть, это странно.

– Да не особо.

– Полагаю, у тебя с ним больше общего, чем с его отцом.

– Не угадал, – ответила я. Мне наскучил этот разговор и этот человек. Худшее наказание на свете. Никогда больше не притронусь к кокаину.

– Ты год жила с ним под одной крышей. И вы примерно одного возраста. Если у вас мало общего в интересах, то физического точно полно.

Я засмеялась.

«Мы с Нико?»

Да никогда в жизни.

К сожалению, тогда я еще не знала, как легко все изменится.

– Вы мое дело заберете домой сегодня ночью, а, офицер?

Он не ответил.

Меня начали терзать смутные сомнения по мере того, как улицы становились все более и более знакомыми. Все внутри сжалось, а когда мы свернули на *мою* улицу, меня захлестнуло тяжелое и вполне конкретное чувство. *Сильная* злость. Он позволил мне поверить в то, что он честный федерал, в то время как сам был очередной пешкой моего мужа.

Он припарковал машину на обочине у моего дома.

Отвращение исходило от меня, смешиваясь с запахом кожи и одеколona. Я была уверена, что он это почувствовал, когда повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Его глаза были сухими, как джин, но внутри теплился огонек, словно кто-то бросил в стакан спичку. *Синие*. Его взгляд схватил меня за шкуру и утянул под воду.

Я медленно вдохнула. Выдохнула.

Меня захлестнуло резкое ощущение, словно я уже встречала этого мужчину, но вскоре эта мысль исчезла. Я бы никогда не забыла это лицо, как бы мне ни хотелось.

– Ты влез в мою личную жизнь, – прорычала я, хватая шубу с заднего сиденья.

– Я потратил на тебя время, так что имел полное *право*.

Я не поверила ушам своим. Ни один другой мужчина в подчинении моего супруга не стал бы задавать мне такие вопросы, чтобы еще и назвать это своим *правом*.

Яд карамелью покрыл каждое сладко произнесенное слово.

– Скажите, агент Аллистер, когда вы поняли, что вы не человек?

В его глазах мелькнуло изумление.

– В день, когда родился, малышка. – Изумление исчезло из его взгляда. – Если не хочешь вернуться обратно в тюрьму, выметайся из машины.

Я стиснула зубы, но распахнула дверь и вышла. Резкий ветер рассыпал мои длинные темные волосы по плечам. Улицу покрывал слой снега, но я даже была рада жжению в босых ногах. Обернувшись, я смерила его взглядом со всем презрением, какое только могла изобразить.

– Гори в аду, Аллистер.

– Уже был там, Руссо, и особо не впечатлился.

Сильное заявление, но я ему поверила.

Его глаза состояли из материала, из которого кроют ночные кошмары, изо льда и пламени, за которыми таились секреты, которые никто не хотел знать. Он мог сойти за нормального только благодаря своему слишком красивому лицу, иначе мир бы уже давно его раскусил и запер для всеобщей безопасности.

«*Нечисть*».

Его прощальные слова были короткими и безразличными.

– Еще раз попадешься с порошком, я не стану тебя спасать. Оставлю гнить в тюремной камере.

Он не соврал.

В следующий раз он меня не спас.

Глава третья

Джианна

22 года

Октябрь 2013

Темнота. Чернильная и неизменная, она просачивалась в мое сознание.

Я часто пряталась в ней от реальности, обретала покой среди безумия. Но на этот раз она шептала мне – говорила не просыпаться сейчас, не просыпаться *никогда*. К сожалению, пронзительный звук, доносившийся издали, был гораздо громче этого шепота. Я приоткрыла глаза и сразу же закрыла их обратно, потому что голову пронзило острой болью.

Дзззынь. Дзззынь.

Я со стоном перекатилась на бок, положив руку на его обнаженную грудь. Что-то щелкнуло в моей голове, словно фрагмент пазла встал на свое место.

Дзззынь. Дззззынь.

Растопырив пальцы, я провела ладонью по его груди.

Слишком горячая. Слишком гладкая. Что-то тут не так.

Дзззынь. Дзз...

– Какого дьявола ты здесь шумишь? – пробурчал мужской голос.

Кровь, вены, сердце – все внутри меня покрылось льдом, и мир вокруг раскололся на части.

Я распахнула глаза, так как боль в голове померкла в сравнении с новой, более сильной, расцветающей в груди.

Воспоминания замелькали перед глазами как кинокадры. Мое платье на полу. Полоска света сквозь занавески. Обнаженная кожа. Моя. *Его*.

Я натянула на себя одеяло, чувствуя, как в животе скручивается тошнота.

Он закончил разговор, бросил телефон на прикроватный столик и закрыл глаза. Спустя пару секунд повисшего в воздухе напряжения он снова открыл их и посмотрел на меня. Мы пялились друг на друга, и раскаленная тишина растекалась по моей коже.

– Господи, – пробормотал Нико и снова закрыл глаза.

Я свесилась с кровати, и содержимое моего живота оказалось на полу. Кислота жгла горло, пока я вытирала рот тыльной стороной ладони.

«Позорище».

«Ничтожество».

«Как тебя любить такую?»

«Шлюха».

«Ничего не было».

«Ложь», – прошептала в ответ темнота.

Я чувствовала отпечатки по всему телу – руки, зубы, губы, – они ползали по моей коже и разрывали душу когтями из горечи и металла.

Открыв глаза, я уставилась на использованный презерватив на полу.

В ушах звенело, легкие отказывались работать, я не могла дышать. Вцепившись в простынь, я чувствовала, как паника рвется из груди.

– Джианна...

– Я все ему отдала, – всхлипнула я. По моим щекам катились слезы.

– Черт, – пробормотал Нико, вылезая из кровати и натягивая боксеры. Он поднял с пола мое платье, но тут же бросил обратно, обнаружив, что меня вырвало на него.

– Я была девственницей, когда вышла за него. Я была ему верной.

– Я знаю.

Вчерашние воспоминания мстительно вернулись. Наша комната. Мой муж. *Она*. Та, кого я считала семьей. Я всегда знала, что у него были другие женщины... Но почему она? Предательство пронзило мою грудь, оставив глубокую и ноющую рану. Слезы катились по губам и оставались солью на языке.

– Но этого было недостаточно, – прошептала я.

«Меня всегда недостаточно».

– Моему отцу никогда и ничего не бывает достаточно, Джианна, – сказал Нико. – И ты это прекрасно знаешь.

Горло сдавило, когда он отвернулся взять рубашку из ящика комода, потому что в его движениях иногда так легко было увидеть Антонио.

Я любила своего мужа – мужчину, который не любил меня. Конечно, можно было винить агента Аллистера за то, что он заронил эту мысль год назад, но так или иначе боль привела меня сюда. К сыну моего мужа.

Паническая атака усилилась, не оставляя в легких воздуха.

– Как это вообще вышло?

– Серьезно? Тебе нужно объяснение?

– Я не шучу, Туз.

– А я и не смеюсь, Джианна.

Он положил мне на колени футболку, присел на корточки возле лужи моей блевотины и кивнул на мой рот.

– Это мой папá тебя так?

Я облизнула разбитую нижнюю губу.

– Я швырнула вазу ему в голову и обозвала неверным мудаком.

Туз издал негромкий удивленный смешок.

– Ну разумеется.

Теперь агент Аллистер был прав во всем. *«Бьет»* из единичного стало постоянным, и по какой-то причине я ненавидела именно Аллистера, как будто он все это накаркал. Прошел год с тех пор, как я его видела в последний раз, но ненависть к нему не исчезла.

– Ты ему не расскажешь, – сказал Нико.

Я не ответила.

– Если ты ему расскажешь, я превращу твою жизнь в сущий ад.

У меня вырвался горький смешок. Моя лучшая подруга трахалась с моим мужем. Куда еще хуже?

Он схватил меня за подбородок и развернул к себе.

– Мы оба знаем, что всю злость он выместит на тебе, а не на мне.

– Я сама решу, говорить ему или нет.

Он уронил руку, вздохнул и выпрямился.

– Ладно, но я тебя предупредил. Жалеть тебя не буду.

Я взяла его футболку и натянула на себя, пока он рылся в прикроватной тумбочке.

– Почему, Туз?

«Как ты мог позволить этому случиться?»

Я знала, почему сделала это. Я была в раздрае. Принимала сплошные неправильные решения. Но Нико? Он всегда сохранял хладнокровие. Следил за каждым своим шагом.

– Я был пьян, Джианна. До чертиков пьян. Если честно, я и сейчас нетрезв.

Он поджег сигарету красным, злобным огоньком. Когда он распахнул шторы, открыл окно, и комнату залило светом, на место встал еще один фрагмент пазла. Алое покрывало его ладони и полосками тянулось вверх по рукам. *Кровь*. Я не знала, каково приходится мафиози,

но достаточно долго жила среди них, чтобы знать: их жизнь была не из легких. И иногда все ее последствия погребали мафиози одновременно.

– Ты так похож на отца, – вырвавшиеся слова были тихими, но прозвучали громко и резко в залитой солнцем комнате. Ночные грехи всегда звучали мерзко при свете дня.

Он выдохнул облако дыма, насмешливо сверкнув глазами.

– *Gospodi*. – Он покачал головой. – Это то, что привело тебя сюда прошлой ночью?

Пульсирующие огни. Грязная плитка в ванной. Затяжка. Капля пота на моей спине. Белая таблетка, предложенная из чьего-то пакетика. Пустота.

– Я не знаю, – прошептала я.

– Ну, что бы там ни было, надеюсь, ты что-то извлекла из этого, Жианна. Потому мы с тобой оба попадем в ад. – Он затушил сигарету о подоконник и вышел из комнаты.

Я закрыла глаза и попыталась закончить пазл, сложить по кусочкам остальную часть ночи. Но столкнулась с темнотой. Она нашептывала мне уснуть и больше никогда, *никогда* не просыпаться.

* * *

Когда я тем утром вернулась домой, на кровати меня ждала коробка конфет, перевязанная извиняющейся красной лентой. На той же кровати, на которой мой муж «по-собачьи» оттрахал мою лучшую подругу.

Я забралась под одеяло и съела все конфеты до единой.

Дни шли, и смесь цветов, чувств и секретов сжирала меня заживо. Все было вверх ногами, словно я смотрела на мир с вращающейся карусели, свесив голову с металлической платформы.

Это были дурные дни. Холодные. Одинокие. *Обкуренные*.

Антонио явился лишь однажды. Залез в кровать поздно вечером и тут же вырубился. Я смотрела в потолок, пока сквозь занавески не проникло солнце, кровать не скрипнула и его присутствие не испарилось так же, как появилось.

Вскоре после этого я уснула.

Вспыхнул яркий свет, и с порывом воздуха с меня сорвали одеяло. Я издала протестующий звук, но подавилась им, когда мне на лицо полилась ледяная вода.

– *Levántate!*

Отплевываясь от воды, которая не прекращала литься, я резко села. Вытерев глаза и открыв их, обнаружила стоящую у кровати Магдалену с большой миской в руках.

Вздрогнув, я откашлялась.

– С ума сошла? – возмутилась я.

Она отставила миску и разгладила униформу.

– *Sí. Pero no tan loca como tú.*

За глазами яблоками разгоралась боль. Я была насквозь мокрая и раздраженная, поэтому мои слова прозвучали грубее, чем я хотела.

– Ты же знаешь, что я не говорю по-испански, Магдалена.

– *Porque eres demasiado tonta.* – «Потому что ты слишком тупая».

Эту фразу я знала только потому, что она считала это прекрасным ответом на все случаи жизни.

Я со стоном упала обратно на мокрые простыни.

– Понятия не имею, кто вообще решил тебя нанять. Ты хамка, да и горничная из тебя, честно говоря, так себе.

Шестидесятидвухлетняя женщина задрала нос.

– Я не горничная, я экономка.

Как по мне, так это одно и то же, но у меня не было сил с ней спорить.

– Тогда иди что-нибудь поэкономь и оставь меня в покое.

Она пригладила выбившийся из прически седой локон и посмотрела на свои ногти.

– У тебя сегодня вечеринка, *querida*.

– Нет, – возразила я. – Никаких вечеринок.

– *Si...*

– Не пойду я ни на какую вечеринку, Магдалена, – сказала я и тут же добавила: – Мне нечего надеть.

«По крайней мере, у меня нет ничего, через что бы не просочилась кровь от моих душевных ран».

– Ничего приличного, это точно, – согласилась она, рассматривая меня своими шоколадными глазами. – Это ради рака. *Una cena benéfica*.

Внутри меня все сжалось.

– Благотворительный вечер для организаций по борьбе с раком?

– *Si*. Антонио звонил и приказал тебе быть готовой к восьми.

«Приказал?»

При других обстоятельствах, например, если бы благотворительность была ради морских черепахек, я бы послала его к чертовой бабушке. Но, по правде говоря, рак я действительно ненавидела, а у моего мужа было *много* денег.

– Ладно, я пойду. Но только для того, чтобы выписать им огромный чек.

Я поднялась на ноги и пнула пустую коробку из-под конфет, проходя мимо. Она исчезла под кроватью вместе с остальными моими демонами.

– *Виепо*. Ты всю неделю ленилась, *señora*. Это так непривлекательно.

Зайдя в гардеробную, я бесцельно начала передвигать вешалки.

– Спасибо, Магдалена, – откликнулась я, – но мне некого привлекать.

Она стала копаться в ящике с моим нижним бельем.

– Это потому что Антонио спит с Сидни? – С ее пальца свисали кружевные стринги. – Какой цвет тебе больше хочется, *querida*? Красный хорош.

Сердце сдавило тисками.

– Такту тебя, видимо, учили там же, где и уборке, – сказала я и добавила: – Телесный, пожалуйста.

– Я не убираюсь.

– Вот именно, – пробормотала я, проходя мимо нее со свободным черным топом, заканчивающимся над пупком, и подходящей к нему юбкой с высокой талией, которую я сшила из старой футболки с логотипом «Нирваны». Оставалось добавить высокие сапоги до бедра, и образ будет идеальным.

Положив одежду на кровать, я направилась в ванную.

Магдалена пошла за мной.

– А я с самого начала знала, что она тебе не подруга. Что-то у нее в глазах такое было. Глаза никогда не лгут. Я тебе говорила, но ты меня не слушала.

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Магдалена любила Сидни и всегда говорила мне, что надо вести себя, как она, и что тогда бы мой муж больше меня любил. Моя экономка была патологической врунью и немного сумасшедшей, но все равно оставалась самым нормальным человеком в доме.

Лучше бы она и правда меня предупредила. Может, тогда было бы не так больно.

Горло сдавило, предательство жгло глаза.

Я схватилась руками за края раковины; ярко-желтые ногти выделялись на фоне беспорядка на столешнице. Долларовые купюры, блеск пистолета девятого калибра, розовые румяна, пакетик с наркотой, легкий налет белого порошка.

Я невидяще уставилась на свое отражение в зеркале.

Вода стекала на оливковую кожу со свежеекрашенных пепельно-светлых волос. Я посмотрела своему отражению в глаза, и моя душа посмотрела на меня в ответ.

«Глаза никогда не лгут».

Магдалена включила душ.

– От тебя несет депрессией, *querida*. Смой ее с себя, а потом я займусь твоими волосами.

Я шагнула в душ.

И смыла с себя все.

* * *

Стуча каблуками по мраморным полам, я маневрировала между серебряными подносами с бокалами шампанского, блестящими под интимно приглушенным освещением. В углу зала играл небольшой оркестр, и его негромкий, простой ритм легко позволял вести монотонные разговоры.

Сердце мое онемело, но в груди зарождалась тревога. Я проигнорировала приказ Антонио встретиться с ним в клубе, чтобы прибыть на прием вместе. Вместо этого я пришла одна.

Я не хотела его видеть. Я не хотела его чувствовать.

А эти вещи всегда ходили в паре.

Я уже почти дошла до стола пожертвований, когда мои планы прийти и уйти до прибытия мужа пошли крахом.

– Джианна, ты как всегда прекрасна.

Я на секунду закрыла глаза, а потом развернулась с кокетливой улыбкой на губах.

– Оу, ты тоже очень мил, Винсент.

Двадцатидевятилетний владелец этого великолепного отеля рассмеялся.

– *Милый*, да, именно к этому я всю жизнь и стремился.

Смирившись с тем, что быстро отсюда не выберусь, я схватила бокал шампанского с ближайшего подноса.

– Что ж, у тебя волшебно получается, – ответила я, окинув взглядом свиту Винсента, собирающуюся за его спиной.

Он разгладил галстук, весело прищурившись.

– Я не просто так на тебя напал, и вовсе не для того, чтобы обсудить мою милоту.

Я надулась в наигранном удивлении.

– Пробуешь новые схемы разговоров?

Винсент и его компания хмыкнули. Я сделала глоток шампанского.

Знакомое чувство заворочалось на задворках сознания, и я перевела взгляд на большие двойные двери в зал. Бокал замер у моих губ.

Широкие плечи. Черный костюм. Четкие линии.

Синие глаза.

Что-то в моей груди затрещало и заискрило, словно петарда на раскаленном асфальте.

Агент Аллистер стоял в дверях рядом с блондинкой. Она держалась за его локоть, а он смотрел мне в глаза.

«Глаза никогда не лгут».

В тот момент я ему завидовала.

Его глаза были океаном подо льдом, где не выживает ничего, кроме самых опасных существ, а мои были открытой равниной.

Он видел все.

Каждый синяк.

Каждый шрам.

Каждый *удар* по моему лицу.

Я не хотела ничьей жалости, но его полное безразличие сводило меня с ума. Я уже забыла, как звучал его голос, но каким-то образом знала, что бы он сказал.

«Подбери сопли, малышка. Ты ничего не знаешь о настоящей боли».

Горячее и тяжелое презрение запульсировало в моей груди.

Иррационально, знаю, но я винила этого мужчину за то, что он подал мне идею переспать с Нико.

Я винила его, потому что так было проще.

Я винила его, потому что он был достаточно холоден.

Федерал окинул взглядом окружающую меня толпу мужчин. Он отвел глаза, но я успела заметить мелькнувшую в них мысль, прежде чем он и его блондинка растворились в толпе. Он думал, что я флиртую, что я их дразню. Он думал, что я *неверная* жена.

И теперь я даже не могла этого отрицать.

– Я как раз рассказывал им, как мы впервые познакомились, – сказал Винсент. – Помнишь?

Я переключила свое внимание обратно на компанию передо мной, и горячее жжение перекинулось из груди на мою руку, сжимающую ножку бокала. Заставив себя улыбнуться, я ответила:

– Конечно помню. Ты поставил против моей лошади и, разумеется, проиграл.

– Что правда, то правда. – Он опустил взгляд в пол и с улыбкой прочистил горло. – Но я говорю о том, как напился и пригласил тебя сбежать со мной на Таити. А ты отказала мне, потому что уже была там, и следующим в твоём списке был Бора-Бора.

Как по команде, все засмеялись.

Я прикусила щеку, чтобы скрыть улыбку.

– Я пыталась не позорить тебя, но, видимо, ты сегодня жаждешь пострадать.

– Похоже на то, – хмыкнул он. – Мортиша снова в строю, и я сделаю на нее ставку в эти выходные.

– Ох, Винсент, – расстроено сказала я, – любишь же ты выбрасывать деньги на ветер, да?

Толпа все росла, пока я не перестала видеть ее краев, а в центр летели ставки и статистика лошадей.

– *Джианна*, придешь на скачки в Кинланде в эти выходные?

– *Джианна*, будешь ставить на Черныша?

– *Джианна*, останешься на афтепати?

Потребовалось полчаса, чтобы вырваться из этого разговора, и к тому моменту я уже выпила два бокала шампанского, так что мне срочно нужно было облегчиться. Воспользовавшись туалетом, я направилась к столу пожертвований, надеясь сдать свой чек и ускользнуть.

Увидев спину Аллистера, стоящего у стола и разговаривающего с одной из дам, отвечающих за мероприятие, я замерла как вкопанная. В животе свернулась нерешительность, и я даже сделала шаг в противоположном направлении, как...

«Ну уж нет».

Я ненавидела этого человека, но еще сильнее презирала то, как пугало меня его присутствие.

Словно пытаясь что-то доказать самой себе, я подошла к столу и остановилась так близко, что коснулась рукой его пиджака. Он бросил взгляд на меня и тут же перевел его обратно на пожилую женщину, с которой разговаривал, словно я была частью декора.

– Знаете, – сказала дама, и румянец залил ее щеки, – моя дочь очень хорошо о вас отзывалась, и я рада, что вы смогли прийти. Такой человек, как вы, наверняка очень занятой. Преступность в этом городе растет с каждым годом.

– Я исключительно рад быть здесь, мэм.

Я не смогла сдержать тихого смешка.

Уголки губ Аллистера дернулись, но на меня он не посмотрел.

Слова, сказанные им год назад, прозвучали в моей голове его голосом. Немного грубым и всегда с таким оттенком, словно он знает что-то, чего не знает собеседник.

Дама бросила на меня взгляд и тут же потеряла интерес, продолжив разглядывать федерала, но через секунду, словно осознав, кого увидела, снова взглянула на меня.

И уставилась, не мигая.

– Простите, я могу вам чем-то помочь?

Я вытащила заранее выписанный чек из лифчика и протянула ей. Она брезгливо держала бумагу двумя пальцами за уголок, но только до того, как развернула и увидела сумму.

– Ох, – выдохнула она, – это невероятно щедро. Спасибо вам огромное. – Что-то написав на листке бумаги, она протянула мне планшечку. – Пожалуйста, заполните эту форму. – Когда я не отреагировала, она уточнила: – Данные спонсора и налоговая квитанция. – Она понизила голос. – Вы даже можете потом вычесть это из налогов.

– А, я не плачу налоги.

Она моргнула.

Аллистер перехватил планшечку.

– Она все заполнит.

– Хорошо... замечательно. – Дама отошла от нас.

– Скажи на милость, ты вообще думаешь, прежде чем что-то говорить? Или несешь все, что придет в голову?

– Ну, – сказала я, нахмурившись, – в этот раз и правда особо не подумала. Но откуда мне знать про налоги? Антонио сказал, что он их не платит.

– Все платят налоги. Это *закон*.

– А, тот самый, который ты защищаешь?

Аллистер сунул мне планшечку.

– Заполни форму и закрой рот, пока мне не пришлось арестовать тебя за уклонение от уплаты налогов.

– Звучит как пустая трата времени, учитывая, что тебе придется отпустить меня сразу, как мой муж об этом узнает.

Аллистер стиснул зубы.

– А он, получается, твой спаситель, да?

Я напряглась от мрачного тона в его голосе – звучало так, словно Аллистер знал обо мне больше, чем следовало.

– Он мой муж, – ответила я так, словно это все объясняло, хотя на самом деле это ровным счетом ни о чем не говорило.

Я взяла планшечку. Аллистер еще секунду держался за нее, глядя на меня, прежде чем наконец отпустить. Отвернувшись, он выглянул в зал, поднеся к губам стакан с прозрачной жидкостью. Наверняка вода, учитывая, насколько он был скучный.

– Ты выглядишь так, словно заблудилась по дороге на гранж-концерт.

– К счастью, нет, – сказала я, заполняя форму. – Была бы очень расстроена, если бы пропустила его.

– Что ты сделала с волосами?

– А что? – Я надулась. – Не нравится? Для тебя покрасила. Слышала, тебе нравятся блондинки.

– Думала обо мне, да? – протянул он.

– Каждый день, каждый час. Ты всегда со мной, как грибок или назойливая муха, вьющаяся вокруг головы.

Уголок его губ дернулся.

Положив планшетку, я оперлась бедром о стол, прислонила ручку к подбородку и окинула взглядом зал. – Кстати о блондинках, где же твоя?

Я проследила за взглядом федерала и нашла его спутницу, разговаривающую с другой девушкой посреди комнаты: стильное белое коктейльное платье, волосы убраны в высокий хвост. Идеальная осанка, сдержанная улыбка. Готова поспорить, она никогда в жизни не расслаблялась.

– Выглядит... интересной.

Уловив взглядом его обезоруживающую улыбку, я почувствовала что-то горячее и нерешительное, зарождающееся в животе. От этого чувства во рту немедленно стало гадко.

Я оттолкнулась от стола.

– Ну, что ж, сносного тебе вечера. Я бы пожелала приятного, но решила попробовать что-нибудь новенькое, например, не желать того, во что не верю.

– Уверена, что не хочешь пожертвовать свою обувь, прежде чем уйти?

Бросив взгляд на свои высокие сапоги, я щелкнула каблуками, как Элли. К сожалению, домой они меня не перенесли.

– Я бы не против, но, боюсь, мама твоей девушки выбросит их на помойку.

Подняв глаза, я заметила, как его взгляд прошелся от моих сапог до полоски кожи над ними. Расчетливый, оценивающий взгляд, который сложно было назвать похотливым. И все равно он меня обжег, как ледяной кубик, тающий на обнаженной коже под летним солнцем.

– Она не моя девушка, – сказал он, сделав большой глоток того, что точно было водой.

– Я бы сказала, что мне ее жаль, но... – Я сверкнула глазами, но верная своим словам не желать того, во что не верю, прошла мимо него.

Его следующие слова, пропитанные чем-то сладким и горьким, заставили меня замереть.

– Неприятности в раю?

Я стиснула ручку, которую все еще держала в руке.

Сглотнула и потерла большим пальцем пустое место на безымянном.

Мой брак был спектаклем, в который я продолжала играть – развод был неслыханным понятием для «*Коза Ностра*», – но я отказывалась позволять бриллианту на моем пальце, символу любви, сковывать меня, когда ни о какой любви не шло и речи. По крайней мере, ответной.

Я повернулась к Аллистеру, ожидая увидеть его триумф, но, когда наши взгляды встретились, мое сердце замерло и неестественно заныло.

В его глазах было что-то темное и искреннее, и только позже я поняла, что он намеренно разрешил мне это увидеть. Ритмичное *кап, кап, кап* стекающей крови. *Звон* металла и огня, в которых он был выкован.

Он утопал в крови по самую шею.

Мне хотелось знать, был ли он покрыт ею даже стоя передо мной, под черным костюмом и белой рубашкой, под своей личиной джентльмена.

– Чем тебе пришлось пожертвовать, чтобы стоять сегодня здесь? – эта мысль вырвалась у меня, словно слова столкнуло с губ неведомой силой. – Душой? – Я подошла ближе, остановившись в считанных сантиметрах, позволив его ауре слиться с моей кожей. Проведя кончиком ручки по его ладони, прошептала: – Сколько же крови на этих руках?

Он провел языком по зубам, отводя взгляд в сторону, прежде чем снова посмотреть на меня.

Бездонные. *Синие*. Мое сердце билось тяжело и глухо, потому что я знала, что если буду смотреть слишком долго, то окажусь заперта подо льдом.

– Когда-нибудь, – выдохнула я, наклонив голову, – это все тебе аукнется.

Он прищурился с отвращением, уронив взгляд на ручку, которую я прикусила. Мне потребовалась секунда, чтобы сопоставить факты.

«Микробы, скорее всего».

Я облизала кончик ручки, как леденец, положила ее в нагрудный карман его пиджака и похлопала по груди.

– Паршивого вечера, Аллистер.

Сделав шаг, я осознала, что в горле у меня пересохло от его взгляда, так что вернулась, выхватила из его руки стакан и залпом выпила содержимое.

И поперхнулась.

«Водка».

* * *

Жжение в горле спустилось в грудь, пока я шла к выходу. Как только я толкнула дверь и меня окутал прохладный октябрьский воздух, я столкнулась со знакомой парой глаз.

– Куда-то собралась?

Я напряглась и попыталась обойти его, но муж поймал меня за руку и заставил остановиться.

– Отпусти меня, – процедила я сквозь зубы.

Антонио притянул меня к себе, обняв за талию, словно мы были самой обычной парой. Словно между нами не было разницы в двадцать пять лет, словно он ухаживал за мной, а не просто подписал контракт на меня, и, главное, словно он не изменил мне и не попытался извиниться за это коробкой вшивых конфет.

Я предприняла попытку вывернуться, но его хватка только усилилась.

– Только попробуй устроить сцену, Джианна... – предупредил он.

Антонио был так похож на своего сына, только завернутый в боль и преподносящий себя как праведного человека, хотя крестик на его шее прожигал в нем дыру. После двух лет брака я не была уверена, что он вообще был способен испытывать сочувствие, и знала, как именно он получил звание одного из самых опасных людей США.

Почему же его так обожали? Ну, когда Антонио был к вам добр, он был подобен солнцу. Все хотели его внимания, потому что если он уделял его вам, то оно было абсолютным, словно вы были единственным значимым человеком на свете. Несмотря на разбитое сердце, на все стены, что я выстроила вокруг себя, и на те, что держала до сих пор, я не могла ему противостоять.

И теперь мне нужно было понять, как отказаться от этого солнца.

– Мне не нравится, когда ты заставляешь меня ждать.

– Мне не нравится, когда ты трахаешь моих подруг.

– Следи за языком, – отчитал он меня, возвращая нас в отель.

Иногда мне казалось, что в моей глотке застрял крик – крик, который я держала в себе двадцать два года. У него – нет, у нее – был голос, тело, яркие рыжие волосы и стальное сердце. Мне было страшно, что она вырвется наружу, что ее эхо сожжет мир дотла и оставит меня стоять в одиночестве среди дыма и пепла. Я затолкала это чувство глубоко, так глубоко внутрь, что моя кожа покрылась тонким слоем пота.

Мы прошли мимо дверей в зал, и, заглянув внутрь, я столкнулась глазами с Аллистером.

Наш обмен взглядами был порывом жара, жгучестью алкоголя и мерцанием непроглядной тьмы, когда он заметил хватку Антонио на моей руке. А потом все исчезло и сменилось золотыми обоями коридора по пути к террасе.

Мы вышли наружу, и я резко втянула в себя воздух. Ночь была холодной и темной, но вместо того, чтобы потереть руки и попытаться согреться, я разрешила холоду впитаться в кожу. Может быть, я была мазохисткой, а может быть, только боль заставляла меня чувствовать себя живой.

На террасе никого не было, кроме пары гостей, вышедших покурить.

– Оставьте нас наедине, хорошо?

Это не было вопросом, как бы мой муж его ни преподнес.

Мужчины обменялись нерешительными взглядами, но через пару секунд затушили сигареты и вернулись в зал через двойные двери. Свет разлился по полу террасы, прежде чем двери закрылись и нас снова обступила темнота.

В настоящее ворвалось далекое воспоминание.

– Как ты можешь любить такого ужасного человека? – спросила бывшая лучшая подруга Сидни, пока мы сидели на диване в кабинете моего мужа и слушали, как он разговаривает по телефону.

Мне потребовалась всего секунда, чтобы ответить.

«Он меня слушает».

Что ж, видимо, ее он тоже слушал.

– Потрудишься объяснить, что это такое?

Я повернулась к Антонио и увидела в его руке маленькую круглую коробочку. Сердце забилося где-то в горле. *Вот* сейчас обрушится еще одна из тех стен, что я возвела.

– Что это такое, Джианна? – рыкнул он.

– Противозачаточное.

– Зачем оно тебе?

– Чтобы не залететь.

Глаза Антонио вспыхнули от ярости, как два огня в темноте. Мы были прилежными католиками, а церковь не одобряла противозачаточные. Но я знала, что сильнее его волновало другое: он хотел еще одного ребенка. Сына, что будет править его империей.

– Как давно?

Я посмотрела ему в глаза.

– С того дня, как мы поженились.

«С той ночи, когда ты растоптал мое сердце».

Удар по моему лицу последовал незамедлительно. От него моя голова дернулась, а из легких вышел весь воздух. Рот наполнился металлическим вкусом крови.

– Вот на что ты заставляешь меня идти, Джианна, – прорычал он. – Думаешь, мне нравится тебя бить?

Ветер унес мой горький смех.

Самым печальным было то, что иную жизнь я видела только на экране телевизора.

Он выкинул таблетки за ограждение.

– Ты больше никогда не будешь их принимать, поняла меня?

Я помотала головой.

– Больше. Никогда. Или клянусь, я лишу тебя всего. Никаких денег и никаких тайных поездок в Чикаго. И да, я знаю, что ты там была.

Мое сердце превратилось в лед и расколосось на части.

– Ты прекрасно знаешь, что твой папá запретил тебе видаться с матерью. – Его голос смягчился. – Я ему ничего не сказал, потому что знаю, как много это для тебя значит.

«Она больна».

Я не могла сказать этого вслух, потому что знала: мой голос дрогнет.

– Мне нужно ее видеть.

– Я знаю. – Он шагнул ближе, и до меня донесся терпкий запах его одеколона. – Я все о тебе знаю, Джианна. Куда ходишь, что делаешь, с кем разговариваешь. – Он запустил руку в мои волосы, и я поборола желание отшатнуться, зная, что тогда он дернет за пряди. – Ты моя. А я приглядываю за тем, что мне принадлежит.

– Если бы тебе было не плевать на меня, Антонио, ты бы убрал от меня свои грязные лапы и дал мне с тобой развестись.

– Ты что, думаешь, я бы взял в жены абы кого? Я хотел тебя, – он прижал губы к моему уху, – так что взял тебя, и, черт возьми, оставляю себе. – Я попыталась отстраниться, но он не ослабил хватку. – Я даю тебе полную свободу действий, Джианна, но если будешь нарываться, то мгновенно окажешься под замком. Поняла меня?

– Если ты думаешь, что после всего этого я буду с тобой спать, то тебе нужно проверить голову.

– Ты остынешь. – Он провел пальцем по моей щеке. – А потом поймешь, что тоже хочешь детей, *cara*. – Грубо схватил меня за подбородок. – И не думай, будто я не заметил, что ты без кольца. Наденешь его обратно, когда вернешься домой, иначе завтра утром оно будет приклеено к твоему пальцу.

Свет зала осветил его серый костюм, когда он скрылся в дверях.

Мои руки задрожали.

Двери закрылись, и его слова обрушились на меня, грозя проглотить целиком.

«Никаких тайных поездок в Чикаго».

«Никаких тайных поездок в Чикаго».

«Никаких тайных поездок в Чикаго».

Дрожь поднялась по моим рукам, забралась в вены и сосуды. Меня трясло изнутри. Легкие сдавило, и с каждым вдохом они становились все меньше.

Перед глазами замелькали черные пятна.

Я схватилась за перила террасы, и камень обжег мои пальцы, словно лед.

«Вдох. Выдох. Вдох. Выдох».

Террасу озарило светом, и я поняла, что кто-то вышел на улицу.

Я зажмурилась, чувствуя, как слезы каплют из-под ресниц. *«Джианна, Джианна, Джианна»*. Я напряглась и ждала. Ждала, пока мир поймет, насколько я сломана внутри. Вскроет меня и увидит все то, что мой папá знал с самого начала. Другая часть меня – тихая, но сильная – хотела кричать, *орать*, чтобы я пустила ее за руль, с ее стальным сердцем и рыжими волосами.

– Знаешь, какое мое любимое?

Я стиснула руки на перилах.

«Вдох. Выдох».

– Андромеда. – Аллистер подошел ближе. – Осеннее созвездие в сорока четырех световых годах от нас. – Его шаги были плавными, а голос безэмоциональным, словно он находил мою паническую атаку невероятно скучной.

Его поведение вызвало во мне раздражение, но оно внезапно исчезло, так как легкие сжались и отказались расправляться. Я не смогла сдержать сдавленный вздох.

– Посмотри наверх.

Это было приказ, резкий и беспрекословный.

Во мне не было сил сопротивляться, так что я подчинилась и подняла голову. Перед глазами все расплывалось из-за слез. Звезды сливались и сверкали, как бриллианты. Я была рада, что они ими не были. Иначе люди бы нашли способ сорвать их с неба.

– Андромеда – это тусклая, расплывчатая звезда справа. Найди ее.

Я поискала глазами. Звезды редко были ясно видны нам, они часто прятались за слоем смога и сиянием городских огней, но иногда, в удачную ночь, как сейчас, загрязнение рассеивалось, являя их красоту. Я нашла нужную звезду и сосредоточилась на ней.

– Знаешь ее историю? – спросил Аллистер, стоя за моей спиной.

Моих щек коснулся холодный ветер, и я медленно вдохнула.

– Ответь мне.

– Нет, – выдавила я.

– Андромеда считалась самой красивой из богинь. – Аллистер подошел ближе, так близко, что его пиджак касался моей обнаженной руки. Руки он держал в карманах, устремив взгляд на небо. – За свою красоту она была принесена в жертву: ее привязали к скале у моря.

Я представила *ее*, рыжую богиню с железным сердцем, прикованную к скале. Откуда-то из глубины меня вырвался вопрос:

– Она выжила?

Аллистер посмотрел на меня. Проследил за дорожками слез до крови на моей губе. Его глаза потемнели, челюсть напряглась, и он отвернулся.

– Да.

Я снова нашла звезду глазами.

«Андромеда».

– Спроси меня, что значит ее имя.

Это был еще один приказ, и мне захотелось отказаться. Сказать ему, чтобы прекратил мне указывать. Вот только я хотела знать – внезапно мне стало это *необходимо*. Но он уже уходил, направляясь к дверям.

– Подожди, – выдохнула я, разворачиваясь к нему. – Что значит ее имя?

Он открыл дверь, и на террасу пролилось немного света. Черный костюм. Широкие плечи. Прямые линии. Он повернул голову ровно настолько, чтобы поймать мой взгляд. *Синие*.

– Оно значит «правительница мужчин».

Ледяной порыв ветра чуть было не проглотил его слова быстрее, чем они долетели до меня, и хлестнул меня волосами по щекам.

А потом он ушел.

Я схватилась за перила и посмотрела на небо.

Дыхание восстановилось.

Дрожь в венах сменилась электрическим *гудением* проводов.

А потом я сделала это – ради всех, кто не мог.

За каждый синяк.

Каждый шрам.

Каждый *удар* по моему лицу.

Но главное, я сделала это, потому что мне так захотелось.

Я закричала.

* * *

Дни сменялись ночами.

Следующие несколько месяцев пролетели незаметно, пропав в водовороте вечеринок, отпусков, скачек и походов в спа по выходным. Наркотики и выпивку было так же просто достать, как серебряное блюдо со свежими фруктами и круассанами, которое каждое утро стояло посреди обеденного стола на двенадцать человек.

Я была молода.

Избалована.

И полна апатии.

Я впитывала в себя все, что заставляло сердце биться. Заставляло забывать. Чувствовать себя живой.

Иногда это был белый порошок из Колумбии.

А иногда... *синий*.

– Вот это роскошная жизнь.

Этот протяжный голос влился в мою кровь и согрел меня изнутри.

Я лежала на кресле у бассейна в сверкающем золотом платье, убрав волосы в небрежный пучок и позволив одной из лямок соскользнуть с плеча. Стоял неприлично жаркий март, и я этим пользовалась.

Я укусила клубничку и поймала взгляд Аллистера.

– Завидуешь?

– Мне, скорее, все равно.

Сияние воды в бассейне окрашивало его в оттенки серебряного, синего и темного. Темно-синий костюм и галстук. Отполированные часы «Ролекс» и запонки на манжетах. Он стоял перед дверями террасы моего дома, держа в руке стакан и окидывая меня теплым взглядом: от моих волос, тарелки с клубникой и стакана с текилой на столике рядом до моих красных вельветовых туфель.

– Только не говори мне, что истории моего мужа тебе наскучили. – Антонио был хорошим рассказчиком и умел захватывать своих слушателей, но я не могла заставлять себя слушать одну и ту же историю сто раз подряд.

– Похоже, тебя они тоже не слишком заинтересовали. Хотя, возможно, ты просто знала, что дальше он пустится рассказывать о том, как впервые отымел свою девственницу – жену, когда ей было двадцать один.

Я вздрогнула. Похоже, Антонио злился сильнее, чем я думала.

Я понадеялась, что он хотя бы рассказал это интереснее, чем оно было на самом деле. В моем первом разе не было никакой романтики. Все было холодно и методично и оставило в моей груди дыру, которую я с тех пор пыталась заполнить, добиваясь любви мужа. Как же смешно.

– А разве в твои обязанности не входит изображать крайнюю заинтересованность во всем, что он скажет?

В его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, но он не ответил. Только вышел на террасу, все так же напряженный. Создавалось впечатление, что он оценил свои перспективы и выбрал потерпеть мое присутствие, лишь бы не идти обратно внутрь.

– Что, слишком чувствительный для его пошлостей? – спросила я.

– Да не особо.

Его глаза остановились на мне, до краев полные холодной яростью, которая сменилась чем-то более теплым, стоило им коснуться моей шеи и обнаженного плеча.

Я стряхнула с себя дрожь.

– Отомстите за мою честь, офицер?

– Не уверен, что в этом есть смысл, ведь от нее немного осталось.

Я надулась.

– Ну вот, а мне только начало казаться, что тебе не плевать.

– И не надейся, милая.

– Клубнику?

Он посмотрел на мою руку так, словно я его оскорбила, так что я вздохнула, откусила ягоду и слизнула сок с губ. Он проследил глазами за моим движением, и его взгляд был тяжелее и теплее, чем прикосновение моего языка.

– Почему тебе так не нравится мой муж?

– Да... *почему?*

Я похолодела от звука голоса Антонио.

Аллистера, кажется, совершенно не волновало, что мой муж меня услышал. Он даже не развернулся, чтобы уделить своему нанимателю внимание, да и вопрос ответом не удостоил. Антонио было плевать, когда я разговаривала с другими мужчинами, но я не знала, как он отреагирует на то, что я остаюсь наедине с одним из его людей.

– О чем вы разговариваете?

– О мифологии, – сказала я скучающим тоном. – Греческой.

– Ах. Моя любимая.

Аллистер отпил из стакана, глядя на бассейн. Он выглядел настолько безразличным, как и сказал, но сквозь его незаинтересованность просвечивало что-то еще. Он был *слишком* безразличен. Тень чего-то темного проплывала под толстым слоем льда.

– Надо было догадаться, что ты будешь прохлаждаться у бассейна.

– Ну, что я могу сказать, человек не может слушать одну и ту же историю больше пяти раз. Хотя, я слышала, сегодня ты разнообразил программу.

Антонио хмыкнул. Он подошел к моему креслу и провел рукой по моему загривку.

– Не хмурься, *cara*. Я клянусь, это была изящная история. – Его взгляд переместился на Аллистера, превратившись из веселого в стальной. – Я же не рассказал им о том, как ты перепачкала в крови весь мой член.

Я поморщилась.

Напряжение было таким удушающим, что дышать стало тяжело. Оно повисло в воздухе, как влажность поздним летом, наполняя мои легкие и щекоча кожу.

Я опрокинула в себя остатки текилы, прикусив стакан. Алкоголь выжег остатки унижения. Мой муж злился на меня по множеству причин, но то, что происходило сейчас – чем бы оно ни было, – меня не касалось. Двое мужчин даже не смотрели друг на друга, но не заметить тщательно сдерживаемый яд в пространстве между ними было невозможно.

– Друзья скучают по тебе. – Хватка Антонио на моей шее усилилась ровно настолько, чтобы я поняла предупреждение. – Не задерживайся.

Он исчез в доме.

Враждебность осталась витать в воздухе, отказываясь исчезать. Я перевела взгляд на Аллистера. Он был безразличным, но с *очень* пугающим оттенком.

У меня вырвался тихий, неловкий смешок.

– Похоже, мой муж тебя тоже не очень любит. – Я сглотнула. – Не боишься, что он найдет другого продажного федерала себе в партнеры?

Судя по его глазам, он ничего не боялся.

Я еще никогда не видела, чтобы кто-то был так спокоен перед моим мужем, особенно кто-то из его подчиненных. Судя по всему, Аллистер не купился на образ Антонио, в отличие от остальных. Это было... чем-то новым и первым, что мне по-настоящему понравилось в этом человеке.

Напряжение в воздухе было таким густым, что у меня бы начала кружиться голова, если бы я его не разрядила.

– Без пары сегодня?

– Да.

– А что случилось с... – я мысленно прогнала в голове список блондинок, с которыми он появлялся, вспоминая имя последней, – Поршей?

– Слишком монотонна.

– Но вы же идеально подходили друг другу. – Я вздохнула, словно меня это серьезно расстроило. – Оба красивые, сдержанные, бесчувственные... А что, если она была той самой, а ты ее бросил, даже не дав ей шанса?

Аллистер, совершенно не впечатленный тем, что я несу, взглянул на меня.

– Я и не знал, что ты так заинтересована в моих отношениях.

Я поднялась на ноги, вытаскивая шпильки из волос по дороге к нему. Длинные пряди рассыпались по моей спине. Он напрягался все сильнее по мере приближения стука моих каблуков, но не смотрел на меня до тех пор, пока я не остановилась перед ним.

– А ты никогда не задумывался, что, возможно, проблема в тебе? – Я взяла стакан из руки Аллистера и отпила. Водка в его стакане всегда была вкуснее любой другой.

– Я так понимаю, ты собираешься меня просветить? – Аллистер забрал свой стакан. Обычно он всегда поворачивал его, чтобы отпить с противоположного края от меня, но сегодня выпил с места, где остался розовый след от моей помады. Это вызвало странный прилив тепла к моему животу.

Я сглотнула.

– Женщины любят, когда в их жизни есть страсть и спонтанность. Вам бы расслабиться, офицер.

– Может, стоит трахнуть другую женщину в ее постели? Звучит достаточно спонтанно, не думаешь?

Боже, ну конечно он знает о Сидни.

Я вздохнула.

Мне так хотелось пробить брешь в его ледяной броне.

Подойдя ближе, я провела пальцем по линии его челюсти, тихо спросив:

– У тебя такое красивое лицо. Наверное, получаешь за него все, что хочешь?

– Почти.

В этом слове было что-то такое весомое, что у меня сбилось дыхание. Я убрала руку от его лица, слегка задев острым ногтем.

– Тебе ведь достаточно взгляда, чтобы женщины падали к твоим ногам.

Я начинала его раздражать.

– И тем не менее ты стоишь.

Я засмеялась.

– Меня не интересуют мужчины, даже такие красивые, как ты.

– Потому что ты замужем?

– Потому что я устала.

Он прищурился.

– Ты пьяна.

В моих глазах заплесало озорство, и я стянула с плеча тонкую лямку.

– А ты всегда трезв. Разве не хочется хоть иногда пожить на грани, офицер? Разрешить себе все, чего хочется?

Воздух пульсировал, словно у него было сердце, когда я скинула с себя переливающуюся ткань и позволила ей упасть к моим ногам.

Вишх.

Он не отвел взгляд от моего лица, хотя ему явно хотелось. Словно он намеренно двигался против ветра.

Я стояла в сантиметрах от него в красном лифчике и трусах, и только пара дверей отделяла нас от моего мужа и всех гостей.

Его ответ был простым и именно таким, какого я ожидала от примерного федерала, но все равно почувствовала волну тепла, пробежавшую по спине, направляясь к бассейну.

– Нет.

Я посмотрела на него через плечо.

– Тогда как ты чувствуешь себя живым?

Я нырнула в воду с улыбкой на губах, потому что его взгляд прошелся по всем изгибам моего тела – я никогда в жизни не чувствовала себя теплее.

Глава четвертая

Кристиан

Сентябрь 2015

Тук, тук, тук.

Доктор Саша Тейлор наблюдала за движением моего пальца на подлокотнике кресла. Прищуренные глаза, слегка поджатые губы – так она выглядела, когда была в глубокой задумчивости.

Тук... тук... тук.

Наши взгляды встретились, и мои губы медленно растянулись в улыбке, когда она нервно сглотнула и покосилась на папку у себя на коленях, словно набираясь решимости.

– Расскажите о своем доме, – наконец сказала она, поднимая глаза. – Об Айове.

Я хмыкнул.

– Ах, Саша, но мы же оба знаем, что вы хотите поговорить совсем не об этом.

Она подергала висящий на шее кулон и вскинула бровь.

– Спрашивайте, – нетерпеливо сказал я.

В ее глазах вспыхнула решимость, и доктор отпустила подвеску.

– Ладно. Давайте поговорим о ваших отношениях с цифрой «три».

– А я-то думал, что вы выше светских сплетен.

– Я их не распространяю, только наблюдаю. Для дела важны все источники информации.

– Ну хорошо. – Я откинулся назад, облокотился о подлокотник и провел большим пальцем по губе. – Давайте так: вы скажете мне, какое у меня отношение с этой цифрой по вашей версии, а я скажу вам, правы ли вы.

На ее лице мелькнула нерешительность, но она сделала глубокий вдох и озвучила предположение.

– С каждой женщиной вы спите ровно три раза, не больше.

– Правда.

– Почему?

Причин был целый список, но мотивировала меня только одна из них.

– Так правильнее.

Четыре раза значили, что у отношений есть будущее. Четыре раза были похожи на зарождающийся роман с чувствами и вопросами. Четверка меня раздражала.

Саша приняла мой ответ и продолжила копать.

– Некоторые незначительные действия, не относящиеся к вашим общим планам на день, такие как поправить одежду, расчесать волосы или пробежать круг по залу, вы делаете любое количество раз, делящееся на три.

– Частично.

– Что случится, если вы остановитесь на двух?

Я не отвел глаз.

Тук... тук.

Затаив дыхание, она ждала третьего стука, которого так и не последовало.

– Одержимы ли вы сейчас мыслью о третьем?

– Нет.

«Да».

– Думаете ли вы, что у вас ОКР?

– Легкое, по самостоятельно поставленному диагнозу, – ответил я, глядя на часы. В кармане завибрировал телефон, и под кожу пробралось нетерпение. У меня было много дел этим

вечером. Может, я и был временно отстранен от работы в Бюро, но набрал работы из внешних источников, как можно больше работы, потому что если бы мне нечем было себя занять – я бы сгорел в пламени собственной злости.

Я выкарабкался из ада, я его видел, чувствовал, попробовал на вкус, и единственное, что меня спасло, – это мечты о мести и обо всем, что ждало меня по ту сторону. Я распланировал свое будущее, начиная от типа женщины, на которой женюсь, и заканчивая типом паркета в своей квартире. Ни разу в этих мечтах я не отводил места для Джаанны Марино.

Я должен был чувствовать облегчение от того, что она снова вышла замуж и была для меня недоступна, но *черт бы ее побрал...* иногда казалось, что забыть ее абсолютно невозможно.

– А что насчет симптомов заражения? – добавила она, отводя глаза, словно только что заметила какую-то важную деталь в моем деле.

– Еще больше сплетен, Саша?

Ничего удивительного. Те, кто встречал меня, не забывали меня никогда. За исключением одной женщины, по крайней мере. Когда я был ребенком, мое лицо было моим проклятием, но теперь я сделал его своим оружием. Им я запугивал, манипулировал, добивался нужных целей. Власти. Информации. Женщин. Как же иронично, что я не мог владеть единственным, чего желал.

Она подняла глаза, недовольная собой.

– Вы никогда не целуетесь в губы.

– Правда.

– Почему?

– Считаю грязным и ненужным.

В ее глазах мелькнуло смятение. В ходе этого анализа она уже и так углубилась в мою психику глубже, чем следовало. Теперь ее интерес был чистейшим любопытством, по причине которого люди и становятся психологами: желанием расколоть человеческое сознание, как яйцо, и выяснить, что нами движет. Вот только она не знала, что мной ничего не двигало. Я сам построил чертов двигатель.

– Не похоже, чтобы у вас было такое же мнение касательно... других частей женской анатомии.

Я засмеялся.

С частями анатомии одной конкретной женщины у меня не было никаких проблем. Если быть до конца честным, я бы даже позволил ей плюнуть себе в рот.

– Так что, если вы ничего не имеете против...

– Отлизывания киски?

Она вспыхнула.

– Все зашло дальше, чем должно было, – пробормотала она, вертя в пальцах ручку.

– Вы же все это записываете, Саша? – я поправил манжет рукава.

– Так почему без поцелуев? – она перестала нервно ерзать, потому что ее любопытство снова взяло верх.

Она думала, что что-то нащупала, некий кусочек пазла, из которого я состоял. По правде сказать, вероятно, она была близка. Если она будет тянуть за эту ниточку достаточно сильно, то вытащит и следующую.

– Помада, – сказал я. – Ненавижу помаду.

Особенно красную.

Отпечаток в форме сердца на моей щеке. Красный след на краю грязного стакана или дымящейся сигареты на потрескавшемся асфальте. Откручивание крышки маленького черного футляра. Я чертовски сильно ненавидел все это.

– Так, значит, страх микробов тут ни при чем? – надавила она.

– Нет.

Это было почти правдой. Когда я был раздражен или нервничал, моя одержимость чистотой усиливалась, но в остальное время мне просто нравилось быть чистым. Мне нравились чистые комнаты, чистая одежда, нравилось не совать грязную хрень, вроде общей ручки, себе в рот. Не просыпаться с ползающими по мне жуками. Не смывать грязь с тела в питьевом фонтанчике.

– Наша встреча почти подошла к концу, но у меня остался последний вопрос. Какое ваше самое первое воспоминание, связанное с числом три?

Тук, тук, тук.

Стук эхом раздался в моем создании, три тяжелых удара, которые я бы не смог заглушить, даже если бы заткнул уши.

– Они всегда стучали три раза, – сказал я.

– Кто?

– Те, кто сделал меня мной.

Глава пятая

Джианна

23 года

Июль 2014

– С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Стоило мне толкнуть дверь клуба, как меня встретил хор сотни разных голосов. Конфетти засверкали в приглушенном освещении и защекотали кожу, осыпаясь на плечи. Воздушные шары взмыли к потолку, скрывая из вида занимающую всю противоположную стену фотографию, на которой я посылала в камеру воздушный поцелуй. Комната наполнилась мелодией песни *«День Рождения»* от «Битлз».

Стуча шпильками, ко мне подлетела Валентина и стиснула в объятиях.

– С днем рождения!

– Тебе не кажется, что ты немного переборщила, Вал?

– Ты про фото? – нахмурилась она, отпуская меня. – Думаешь, оно получилось слишком большим?

Я рассмеялась и поцеловала ее в щеку.

– Оно идеальное.

Проходя дальше, я обнимала людей и благодарила их за поздравления, пока у меня не начали болеть щеки. Мир пошатнулся, когда кто-то обнял меня за талию и закружил. Когда вращение остановилось, перед моими глазами возникло лицо Луки, все еще держащего меня над полом.

– Ты должна мне денег, Джианна.

Я нахмурилась.

– Это вот так ты поздравляешь людей с днем рождения?

– Только женщин, которые пытаются улизнуть от уплаты долгов.

– Ой, я тебя умоляю. – Я стряхнула с его плеча несуществующую пылинку. – Ты продумаешь следующий спор, я просто не хочу совершать лишних движений.

Он хмыкнул и поставил меня на ноги.

– Мне кажется, из всех нас ты самый главный жулик, даром что Руссо не по крови. – Он сел обратно за барную стойку.

– О, вы только посмотрите, – сказала я, вклиниваясь между Лукой и Нико, который сидел рядом. – Я настолько популярна, что сам великий Николас Руссо почтил нас своим присутствием.

Нико криво улыбнулся, держа в руке стакан с виски.

– У меня сегодня встреча.

– А, – ответила я, осознав, что встреча будет этажом ниже, в конференц-зале. – Мог бы притвориться, что пришел сюда ради меня.

– Много людей пришло сюда ради тебя.

Я надулась, окидывая взглядом переполненный клуб.

– Верно.

Мы не говорили о той ночи, что случилась год назад. Ни разу с того самого утра. Как будто, если мы об этом не говорим, то этого никогда не было. Но этот секрет поглотил часть моей души; сожаление – это жадный зверь, и кормился он каждый день.

Нико и Лука посмотрели на дверь и одновременно поднялись на ноги. Я повернула голову и увидела незнакомого мужчину – черный костюм, черные волосы, блеск *«Коза Ностра»* в глазах.

– Кто это? – спросила я.

– Не твоё дело, – ответил Нико. Не сводя глаз с вошедшего мафиози, он положил руку мне на затылок и прижал меня к груди в коротком и грубоватом объятии. – С днём рождения, – сказал он и добавил: – Попытайся не переусердствовать сегодня, ладно?

– Хорошо, пап.

Он шутливо отпихнул меня, и оба Руссо направились к мужчине.

Валентина толкнула меня плечом, заказывая сразу кучу напитков, и вскоре я потерялась в круговороте шотов, походов в туалет и тяжелого, опьяняющего гудения в крови.

Фиолетовый, желтый, синий. Плитки под ногами мерцали, освещая мои голые ноги и белое платье. Из колонок гремела «*Я поцеловала девушку*» Кэти Перри, тела на танцполе качались в унисон, размахивая руками, покачивая бедрами и касаясь губами.

Фиолетовый. Капля пота на моей спине. *Желтый.* Чужая кожа на моей. Проведя руками по шее, я откинула назад тяжелые пряди и подняла взгляд.

Синий.

Дыхание замедлилось вместе с движениями.

Я встретила с ним глазами. Аллистер стоял с Нико у бара и отвечал на что-то, что ему говорили, но не отводил от меня взгляда.

Покачивание бедер, движение рук в воздухе – все сбилось на новый ритм, не в такт музыке. Медленнее. *Сексуальнее.* Как шелковые простыни на обнаженной коже. Не отводя глаз, я подпевала строчкам из песни. Слова срывались с моих приоткрытых ярко-красных губ с чувственным придыханием.

Его глаза потемнели.

Я всего лишь хотела его поддразнить, но мое тело запуталось. Кровь вскипела в венах. Соски затвердели. Пот масляными каплями блестел на коже и скатывался меж грудей.

Его взгляд метнулся к фотографии на стене за моей спиной, а потом снова вернулся к моим глазам.

Я улыбнулась, подняла руку и послала ему воздушный поцелуй.

* * *

Спустя полчаса я на подкашивающихся ногах покинула танцпол и поковыляла на второй этаж, чтобы немного приглушить грохот музыки в голове.

Я открыла дверь в VIP-комнату и замерла, держась за ручку. Знакомый продажный федерал стоял спиной ко мне и смотрел в большое окно, за которым сверкали городские огни. Он прижимал телефон к уху, и до меня донесся его плавный, глубокий голос. Что-то про контракт и плохую ситуацию. Звучало интригующе. Я вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней. Аллистер едва заметно напрягся после тихого *щелчка*, но больше никак не отреагировал на мое присутствие.

С тех пор как мы познакомились, он отрастил волосы на макушке своей аккуратной стрижки. Теперь они были достаточно длинными, чтобы зарыться в них пальцами или чтобы сжать их в кулаке. От этой мысли мне стало странно тепло, но я быстро отогнала это чувство.

Аллистер завершил звонок и повернулся.

Мы смотрели друг на друга в густом, почти удушающем напряжении, повисшем в воздухе. До этого момента мы были наедине всего дважды, и оба раза на террасе, но теперь нас окружали четыре стены, потолок и запертая дверь, и казалось, что в маленькой комнате недостаточно кислорода на нас двоих.

– Так быстро наскучила вечеринка в твою честь?

За последний год мы уже играли в несколько игр на различных мероприятиях, где нам приходилось встречаться. Моей любимой была та, где мы игнорировали существование друг

друга, даже если общие знакомые пытались нас представить. В другой игре я притворялась, что по уши в него влюблена. Эту он ненавидел сильнее всего, и, так как досада Аллистера была для меня вкуснее любого праздничного торта, именно в нее я и решила сыграть.

Я скинула с себя туфли.

– А может, я пришла сюда к мужчине.

В глазах Аллистера мелькнуло что-то мрачное, но тут же исчезло, стоило ему прислониться к стеклу.

– Надеюсь, на этот раз не к родственнику.

В мой живот словно уронили кусок свинца, а в груди что-то задрожало. Он *знал*. Он знал про меня и Нико. За прошедший год я несколько раз видела Туза с федералом, но я и подумать не могла, что они достаточно близки, чтобы делиться секретами. Как много Нико рассказал? Казалось, меня сейчас вырвет.

Я сглотнула и постаралась выровнять голос.

– Мы с вами не родственники, офицер.

Губы Аллистера дрогнули в улыбке.

– А, так ты пришла ко мне.

Тревога захлестнула меня, и я больше не могла притворяться, что все нормально. Забыв о туфлях, босая, я развернулась и схватилась за ручку двери, но не успела открыть ее, как рука Аллистера появилась над моей головой и захлопнула дверь. Эхо от удара пробрало меня дрожью.

Его плечи загораживали от меня свет. Его присутствие, тяжелое и осязаемое, пробежало по позвоночнику.

– Ты начала эту игру, – сказал Аллистер резко, – ты ее и заканчивай.

Я не могла думать, когда он стоял вот так за мной, прижимая меня к двери. Мы всегда стояли близко, достаточно близко, чтобы наблюдать за людьми и без труда оскорблять внешность и интеллект друг друга. На этот раз все было иначе. От него исходила настоящая, жгучая злость, и это чертовски пугало меня.

Спокойно, с эмоциональностью зачерстневшей горбушки, я сказала:

– Мои чувства к тебе загнали меня в тупик.

– В угол, – мягко поправил он.

Я ничего не ответила, потому что внутри меня всю трясло. Из-за близости Аллистера, его непонятной злости, от того, что мне были отрезаны пути к побегу и я не могла вырваться, пока он не решит меня отпустить. Сама мысль о том, что Аллистер может ко мне прикоснуться, заставляла каждое нервное окончание на моей спине искрить в предвкушении.

Аллистер убрал руку с двери и сделал шаг назад.

Я медленно вдохнула. Выдохнула.

Развернувшись, понаблюдала за тем, как он отошел к мини-бару и взял с деревянной столешницы стакан с прозрачной жидкостью.

– Иди развлекай гостей, Жианна.

Во мне зашевелилось легкое раздражение. Я ненавидела, когда мне указывали, что делать. Как будто он мой король и хозяин, а мне забыли об этом сказать.

– Я это и пытаюсь делать, но, видимо, некоторые из моих гостей те еще придурки.

Аллистер облокотился о стойку и мрачно посмотрел на меня. Он был здесь не ради вечеринки в мою честь, а ради встречи, происходившей внизу, в выражении его лица это ясно читалось, но меня не особо волновали детали.

– Где мой подарок? – спросила я, подходя к нему, шлепая босыми ногами.

– Соседняя комната ломится от подарков, а тебе все мало?

– Оу, тебя это злит? Что у меня есть друзья, а у тебя нет?

– Тебе что, нужно подтверждение, что тебя все обожают?

– Да, – прямолинейно ответила я. – Так где мой подарок? – Я постучала пальцем по циферблату его часов, и он прищурился, наблюдая. – Твои часы – это слишком дорого, не находишь? Это же «Ролекс». – Когда он не отреагировал, я вздохнула. – Нет, ну если ты настаиваешь.

Я начала расстегивать ремень часов, чтобы проверить, остановит ли он меня, схватит ли за запястье, скажет ли перестать его раздражать, как сделали бы все остальные мужчины в моей жизни. Аллистер никогда меня не касался. Ни разу. Ни когда я игралась с его галстуком, ни когда я выхватывала стакан прямо из его рук, ни когда я «случайно» наступила ему на ногу после комментария о том, как светлые волосы подходили к содержанию моей головы. Я не могла объяснить почему, но этот факт меня нервировал. Может быть, поэтому я трогала его еще чаще.

Не убирая рук, Аллистер молча наблюдал, как я расстегиваю его часы. Дыхание застряло где-то в легких. Я всего лишь снимала с него часы, но ощущение было такое, словно я расстегнула его ремень.

«Ролекс» съехал до середины моей руки, когда я его надела, но я все равно повертела рукой так, словно любовалась новым кольцом с бесконфликтным алмазом.

– Спасибо, – весело сказала я. – Мне очень нравится.

Мы смотрели друг на друга, и по комнате разливалось что-то густое и тяжелое. Аллистер поднес стакан к губам и сделал большой глоток. Я бы сказала, что воды, но уже знала, что это была водка. Этот мужчина умел пить, но казался неспособным опьянеть.

Я наклонила голову.

– Откуда ты?

– Из Айовы.

У меня вырвался смешок.

– Ага, а я английская королева. – Я сняла его часы, положила их на стойку и покрутила пальцем. – Ладно. Я решила, что хочу на день рождения.

– Сгораю от нетерпения узнать.

– Неправда. Но это не страшно. Не всем же нам иметь чувства и все такое.

Аллистер надел часы обратно, и его движения меня отвлекли. У него были руки, при взгляде на которые женщинам хотелось знать, как бы они выглядели на их теле.

– Хочу секрет, – сказала я и добавила: – Один из твоих, разумеется.

– А что я получу взамен?

– Удовольствие от того, что сделал меня счастливой. – Я мило улыбнулась ему.

Аллистер опустил взгляд на мои губы и тут же отвел его, но я успела заметить в его глазах вспышку чего-то безошибочно греховного. Мое сердце пропустило удар.

Он снова облокотился о бар.

– Сначала скажи, что тебе подарил муж, – сказал он как бы между прочим, но исходящее от него напряжение лишь усилило тревогу.

Я дернула плечом.

– Вероятно, какую-нибудь безделушку, как и каждый год. Не знаю, не виделась с ним сегодня.

– Почему?

– У него много дел.

– Так много дел, что не нашлось времени на собственную жену в ее день рождения? – Я узнала его безразличный, беспощадный тон и точность, с которой он наносил удары. Под кожей заскреблось раздражение.

– Прекрати, – сказала я ему.

– И чем же Антонио сегодня занят? Хотя, пожалуй, правильнее будет спросить, кем?

Злость обожгла горло и вспыхнула за глазными яблоками. Антонио больше не властвовал над моими мыслями. Я больше не думала о нем с наивным, благоговейным интересом. Любовь стала горькой – если она вообще когда-либо была любовью, а не влюбленностью. Но от предательства Антонио все еще было больно, а Аллистер решил поковыряться в ране ножом.

Я поперхнулась собственной яростью.

– Ненавижу тебя.

– Я думаю о тебе.

Эти четыре слова повисли в воздухе между нами и опустились на пол, пронзив меня до самого сердца. Моя кровь мгновенно остыла, и тишина выползла наружу, чтобы коснуться моей кожи ледяными пальцами.

Я уставилась на него широко раскрытыми глазами.

Аллистер наблюдал за моим выражением лица с горьким весельем во взгляде.

– Вот тебе твой чертов секрет.

Опрокинув в себя содержимое стакана, он поставил его на стойку и направился к двери. Положив руку на дверную ручку, помедлил и обернулся.

– Хочешь знать, почему я никогда тебя не касаюсь?

Я помотала головой.

– Потому что если прикоснусь, то не смогу остановиться, пока не потушу прелестный огонек в твоих глазах. – Аллистер сверкнул взглядом. – Больше никогда не запирайся со мной в одной комнате, Джианна.

Он ушел, но его угроза осталась со мной.

* * *

С замирающим сердцем я спустилась по лестнице и постучала в тяжелую дверь. Она распахнулась, и на той стороне меня встретила Тара. При виде меня ее широкая улыбка сменилась оскалом.

– Ты же знаешь, что Антонио не любит, когда сюда приходят женщины.

Она зарабатывала тем, что открывала дверь, но мнила себя кем-то вроде правой руки президента. Без понятия почему, но все девушки, которым поручали открывать эту дверь, были теми еще сучками.

– У тебя есть секунда, чтобы меня впустить, или я понижу тебя до выноса мусора.

Ее глаза сузились до щелочек.

– Ты не посмеешь.

– Спорим?

Ее щеки вспыхнули от злости, но тут, словно вспомнив что-то важное, она хитро сверкнула глазами и распахнула дверь.

Очевидно, меня что-то поджидало, но не было сил об этом волноваться. Слова Аллистера выбили меня из колеи, и плюс к тому я была невероятно зла на Туза за то, что он рассказал Аллистеру о случившемся между нами.

Я прошла мимо Тары и спустилась по короткой металлической лестнице.

В воздухе висел сигаретный дым, смешивающийся с приглушенным оранжевым светом. За карточными столами никого не было, кабинки по краям зала пустовали. Несколько мужчин бездельничали у дверей конференц-зала, и до моих ушей донеслось яростное обсуждение изнутри. Я направилась к офису Антонио, чтобы дожидаться там конца собрания.

Когда я проходила мимо двери конференц-зала, из группы мужчин вынырнул Лоренцо и преградил мне дорогу.

– Что ты тут делаешь?

– Пытаюсь подслушать ваши тайные планы по захвату мира.

Улыбнувшись, он убрал руки в карманы. Лоренцо был самым милым из всех Руссо, если это слово вообще можно было применить к кому-то из них. Брызги крови и взгляды «*Коза Ностра*», как правило, убирали даже намеки на слово *милый* из их описания. Но Лоренцо каким-то образом умудрился быть таковым. Впрочем, я слышала, что он был не только самым милым, но и самым извращенным.

– У тебя вечеринка наверху, – сказал он. – Почему бы тебе туда не вернуться?

– Я вернусь, но сначала мне нужно убить Туза.

– Туз занят.

– Я подожду, пока освободится.

Мне в любом случае нужна была минутка, чтобы собраться с мыслями. «*Пока не потушу прелестный огонек в твоих глазах*». По позвоночнику прокатилась волна холода. Что это вообще значило?

Я рассеянно попыталась обойти Лоренцо, но он снова преградил мне путь.

– Иди наверх, Жианна.

В памяти всплыл хитрый взгляд Тары.

– Что же такое прячется в офисе моего мужа, чего я не должна видеть? – нараспев спросила я.

– Ничего.

– Ох, Ло, я знаю, что это не твоя вина, но тебе никто никогда не говорил, что ты совершенно не умеешь врать? – Я закатила глаза и протиснулась мимо него.

Перед дверью в офис стоял Джон, положив одну руку на запястье второй. Он не был итальянцем, а потому не мог официально вступить в ряды мафии, но он был доверенным лицом моего мужа с самой первой нашей встречи.

– Новая стрижка? – спросила я, глядя на его лысую голову. Это была наша постоянная шутка.

Он слегка улыбнулся.

– Одолжил немного геля для волос у Лоренцо.

Я спиной почувствовала, как Ло закатил глаза.

– Ну, что могу сказать, мне нравится. – Я подмигнула.

Я взялась за дверную ручку, но меня остановил голос Джона.

– Жианна.

Посмотрев на него, я увидела сочувствующий взгляд. Я уже знала, что за дверью, но за прошедший год чертовски устала убегать от этого. Эти мысли явно отразились в моих глазах, потому что Джон понимающе кивнул.

Я открыла дверь и вошла внутрь.

Она сидела на диване, закинув ногу на ногу и держа на коленях учебник. Подняв глаза и увидев меня, она замерла и выронила ручку.

– Привет, Сидни.

Она сглотнула.

– Жианна.

– Не обращай внимания, – сказала я, плюхаясь рядом с ней на диван и беря в руки пульт от телевизора. – Я просто подожду тут Туза, мне надо его убить. Потом уйду.

Она кивнула так, словно ей все было кристально понятно.

Я пощелкала каналы, остановилась на любимом сериале и поджала под себя ноги.

От Сидни несло дискомфортом, словно терпким парфюмом. Она поерзала в своей голубой униформе, и я поняла, что она, вероятно, приехала прямиком из больницы. Она работала флеботомистом, чтобы закончить медицинское училище. Удивительно, что она все еще продолжала работать, – я знала, что Антонио бы заплатил за все, не моргнув глазом.

– Джанна... – Она запнулась, и ее голос потяжелел от эмоций. – Я не знаю, что мне сказать, чтобы ты знала, как я жалею обо всем.

Предательство скрутило мои внутренности железной хваткой.

Все это она уже сказала в сотнях писем, голосовых сообщений, СМС и паре личных визитов, которые я быстро прекратила. Скажите что-нибудь слишком много раз – и оно потеряет всякое значение.

– Если бы я могла вернуться и все исправить...

– Нет, нет, нет, – пробормотала я, покачивая головой, глядя в телевизор. – Не спи с Чадом. Он только на прошлой неделе переспал с Киарой за твоей спиной!

Сидни посмотрела на экран и вспыхнула от раздражения.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Джанна. Тебе не настолько плевать, уж точно не на меня.

Горло обожгло горечью.

– Ты и правда меня знаешь. Ты знаешь обо мне больше, чем кто-либо. И именно поэтому я не могу тебя простить, Сидни.

Выйдя замуж и переехав в Нью-Йорк, я записалась на несколько курсов в колледже. «Поможет тебе освоиться в городе», – сказал Антонио. Меня восхищала его щедрость и та свобода, что он предоставил, ведь раньше у меня не было ничего подобного. Там я и познакомилась с Сидни. Я хорошо помнила, как мы часами смотрели в потолок и разговаривали о жизни, прижавшись друг к другу на ее двухэтажной общажной кровати.

Это была первая настоящая дружба в моей жизни, но когда она закончилась, мое сердце выдрали из груди далеко не в первый раз. В моей груди было пусто с пяти лет, и порой на месте эмоций оставалось только онемение. Некоторые называли это депрессией. Я называла это жизнью.

– Ты же знаешь его, – сказала она тихо.

Я знала. Знала так хорошо, что мне даже было ее жаль. Но перестать думать о том, что они вместе, не помогало. Как и знание того, что они встречались уже год, совершенно не заботясь о моих чувствах.

– Я не хотела, чтобы это произошло. Мне все это было отвратительно.

– Возмутительно скучная тема, – вздохнула я. – О, знаю, давай поговорим о том, каков мой муж в постели.

Она издала раздраженный звук.

– Прекрати. Прекрати притворяться, что тебе все равно.

– Ты хочешь от меня честных эмоций? Ладно. – Слова сорвались с моих губ. – Я ненавижу тебя. Ненавижу тебя за то, что ты сделала. Ненавижу за то, что ты продолжаешь это делать. Ненавижу за то, что ты ведешь себя так, как будто это со мной тут что-то не так. Ты мертва для меня, Сидни. Так достаточно эмоционально?

«Ты мертва для меня».

«Ты мертва для меня».

«Ты мертва для меня».

Слова бесконечным эхом отдавались в комнате, словно заело пластинку.

Ее лицо побледнело, а голос стал таким тихим, что ее было едва слышно.

– Мне так жаль, что я сделала это с тобой.

– Мне тоже, – прошептала я.

Тишина обволокла нас. Она притворялась спокойной, мирной сущностью, но не могла скрыть острых краев. Мы сидели в неудобной, обманчивой тишине. Для нее это было наказанием. Для меня – обычным существованием. Дрожащей рукой она делала свое домашнее задание, а я смотрела телевизор, стараясь не жалеть о сказанном. Но я жалела. Она еще была жива, а мои слова уже меня преследовали.

Через пятнадцать минут в комнату ворвался Антонио, а сразу за ним и Туз. Они о чем-то спорили, но оба замерли, заметив наше присутствие. Вероятно, сидящие бок о бок жена и любовница выглядели очень занятно. Мне захотелось сделать зрелище еще более странным.

Я улыбнулась.

– И что, даже не поздравить жену с днем рождения?

– Господи, – пробормотал Туз, – у нас нет на это времени.

Я бросила на него прищуренный взгляд.

– Знаешь, на кого у *меня* нет времени? На тебя!

Это было детским и незрелый ответом, так как времени у меня-то было навалом, учитывая, что у меня не было работы и ни капли ответственности, что явно читалось в лице невпечатленного Туза.

Отец и сын стояли рядом. Вдвоем они были словно кирпичная стена. Несгибаемая природная сила. Или что-то, чему можно молиться.

Мой муж перевел взгляд с меня на Сидни и, в каком-то отвратительном, извращенном смысле, мне показалось, что ему нравится видеть нас рядом.

Я не касалась его с октября, когда сказала, что больше не буду. Но он становился все настойчивее день ото дня, а я начинала тосковать без человеческого контакта. Мне нужны были руки и губы на моей коже, возможность потерять себя в блеске пота и похоти. Желание росло сильнее с каждым днем, и я знала, что он выжидает, когда я не выдержу. Может, Антонио порой и поднимал на меня руку, но никогда не пытался изнасиловать. По моим предположениям, это был грех, в котором ему было бы слишком стыдно признаваться. Или, что более вероятно, он просто думал, что мое сопротивление было игрой, которую я вот-вот проиграю, и победа принесла бы ему невероятное удовлетворение.

К счастью, то, как он смотрел на меня и Сидни, вызывало у меня тошноту. Я поднялась на ноги и расправила платье.

– У тебя есть какие-то причины не праздновать наверху с людьми, которые пришли специально ради тебя? – спросил Антонио.

– Да, вообще-то есть. Мне нужно пристрелить Туза. Так как я сейчас безоружна, разрешаю тебе сделать это самому.

Он закатил глаза и направился к своему столу.

– Порадуй мою жену, сын. У нее день рождения.

Я повернулась к Нико, победно сверкая глазами, как сестра, только что выигравшая спор с братом. Хотя, конечно, это было немного странным сравнением, учитывая, что мы переспали.

Нико покачал головой, направился к двери и открыл ее.

– У тебя есть секунда на то, чтобы сказать, что тебе нужно. И тебе нельзя в меня стрелять.

– Это мы еще посмотрим, – пробормотала я, обгоняя его в дверях.

В тот момент, когда мои босые ноги коснулись холодного бетона в коридоре, воздух разорвал первый хлопок. Мое лицо обдало порывом ветра, в ушах зазвенело. Джон с громким ударом упал на пол.

Я уставилась на красные брызги, которые стекали по стене передо мной.

Воздух выбило из моих легких, когда кто-то резко прижал меня к стене, закрывая собой. Хлопок.

Еще один.

– Черт, – прорычал Нико, ударив рукой по стене у моей головы. Он резко развернулся, прижавшись спиной к моей груди. Воздух прорезало еще три выстрела. Они звенели в ушах и отдавались дрожью в костях.

Что-то горячее и мокрое впиталось в мое платье. Я коснулась того места и поднесла руку к глазам. Алый цвет покрывал мои пальцы, словно краска.

Так много крови.

– Туз, – выдохнула я. – О боже мой, Туз. – Мои руки задрожали.

Кто-то схватил меня за запястье и затянул обратно в офис мужа.

– Не выходите из этой комнаты ни при каких обстоятельствах, – сказал Антонио. Темнота его души выплеснулась в глаза и наполнила их чернотой. Он захлопнул дверь, и я отступила на шаг, обретая равновесие.

– О боже мой, Джаанна! – Сидни кинулась ко мне. – Где тебя ранили? – Она ощупала мои руки и живот, пока я невидяще смотрела на дверь. Не найдя на мне ни царапины, она выдохнула: – Чья кровь?

– Туза.

– О боже мой.

Выстрелы свистели за дверью один за другим, а потом все стихло. Стало так тихо, что я слышала собственное сердцебиение.

Она посмотрела на дверь.

– Сидни, нет, – предостерегла я.

В ее глазах промелькнуло смятение.

– Я могу помочь.

– Нет. – Мой голос стал настойчивым. – Ты слышала, что сказал Антонио.

Ее глаза наполнились слезами, начавшими капать с нижних ресниц.

– У меня плохое предчувствие, Джаанна...

– Ты любишь его.

– Да, – выкрикнула она. – Я не хочу жить без него.

Она сделала шаг к двери, но я схватила ее за руку. Я не могла позволить ей пожертвовать собой ради любви. Не могла. Любовь не стоила того. Любовь приносила только боль. Я сжала пальцы сильнее, когда она попыталась сбросить мою руку. Но затем выключился свет, и тьма обрушилась на нас, протягивая к нам длинные, ледяные пальцы.

С моих губ сорвался сдавленный звук протеста; мне снова было семь лет.

«Ты вообще когда-нибудь затыкаешься, девчонка? Позорище. Ничтожество. Как тебя любить такую? Шлюха».

Легкие сдавило, я не могла вдохнуть.

Запястье Сидни выскользнуло из моих пальцев и исчезло в темноте.

«Ты мертва для меня».

– Нет, – вскрикнула я, упав на колени и пытаясь вдохнуть.

Желание Сидни сбылось.

Ей не пришлось жить без него.

В свой двадцать третий день рождения я стала вдовой.

Глава шестая

Джианна

24 года

Август 2015

– Чувствуешь этот стук в груди?

Зареванная, с прилипшими к щекам локонами, я помотала головой.

– Вот тут. – Мама взяла мою руку и прижала ее к моей груди поверх светло-розового церковного платища. – А теперь?

Под моей ладонью что-то пульсировало: маленькое, но быстрое, как трепет крыльев перепуганной птички. Я кивнула.

– Это музыка, – прошептала она так, словно доверяла мне важный секрет.

Мои глаза широко распахнулись в восхищении, но очень быстро на задворках сознания сгустился страх.

– Но папá ненавидит музыку...

– Некоторые мужчины, Джианна... не могут чувствовать даже свою музыку, что уж там говорить о чужой.

Грудь сдавила тоска.

Мамины глаза стали влажными, как и мои.

– Танцуй под нее, – она прижала руку к моей груди, – когда захочешь и как захочешь.

– Когда захочу?

– Да, *stellina*. – Она поцеловала меня в лоб, и мое маленькое пятилетнее сердечко потеплело. – Когда захочешь.

– Я боюсь темноты. – Шепот ворвался в воспоминание, размывая его моим тихим, безэмоциональным голосом.

«Ты мертва для меня».

«Ты мертва для меня».

«Ты мертва для меня».

Слова выплеснулись вместе с темнотой, чтобы поглотить меня целиком.

Я резко проснулась на мокрых от пота простынях. Вспоминая, как дышать, уставилась в потолок квартиры. Сон словно вернул меня на год назад, в ночь моего двадцать третьего дня рождения.

Я сидела в карете скорой помощи, все двери были открыты. Погода была жаркой и влажной, но казалось, что кровь застыла в моих жилах.

Тело, которое они загружали в машину, было укрыто простыней, но она не могла скрыть длинные светлые волосы Сидни, свешивающиеся с каталки.

Кто-то остановился передо мной, и я подняла невидящий взгляд. Это был Аллистер. Он нашел меня, когда я в полной темноте сидела на холодном полу в офисе Антонио. Аллистер не сказал ни слова, только поднял меня и понес наружу, позволив тихо рыдать в его плечо. Перед тем как уйти, он снял с себя пиджак и накинул его на мои плечи. Пиджак пах им. Глубоко, терпко и мужественно. Я попыталась утонуть в этом запахе вместо накатывающего онемения.

– Хочешь поехать домой? – спросил Аллистер.

«Дом?»

Это всегда был больше дом Антонио, чем мой. После того фиаско с Сидни я при каждой возможности оставалась в одной из его квартир, просто чтобы избежать внимания Антонио, когда он был дома. Мне стало интересно, знала ли Сидни, что Антонио никогда не был ей

верен, что он пытался соблазнить меня, в то же время утверждая, что любит ее. Она погибла ради него, ради *любви*. От этого слова во рту становилось кисло.

Идея о возвращении домой внезапно показалась отвратительной.

Я помотала головой.

– Куда?

– К Тузу, – прошептала я.

Его челюсть напряглась, а в глазах мелькнуло что-то горькое.

– Туза долго не будет дома.

Скорая увезла его в больницу, несмотря на его протесты. Он потерял много крови из-за двух пулевых ран: в боку и руке. Он получил эти пули из-за меня, и я собиралась его выходить, нравилось ему это или нет.

– Знаю, – ответила я.

Аллистер раздраженно провел языком по зубам, но отошел переговорить с одним из десятков агентов, снующих поблизости.

Следуя за ним к машине, я осознала, что впервые вижу его без пиджака. Белая рубашка с длинными рукавами плотно облегла его руки и широкие плечи. До этого момента я даже не замечала, насколько хорошо Аллистер сложен. Возможно, я сходила с ума, но изучала его фигуру всю дорогу до машины, идя за ним босиком.

Он молча отвез меня до дома Нико в Бронксе и проводил до задней двери. Я знала код от охранной системы Туза – не потому, что он мне его доверил, а потому что однажды тайком подсмотрела, как он его вводит.

Аллистер вошел за мной и закрыл дверь.

– Тебе не обязательно оставаться, – сказала я ему. – Я в порядке.

– Ты в шоке, – ответил он.

Напряженный, он огляделся вокруг. Ему не хотелось меня здесь оставлять. Казалось, что ему противна была сама мысль об этом. Что порождало один вопрос: *почему?*

– Почему ты здесь? – спросила я, положив его пиджак на барный стул. – Стало меня жалко?

– Нет. – Слово прозвучало жестко, и блеск в его глазах подтвердил, что он действительно не испытывал ни малейшей жалости.

Господи, до чего же бессердечный человек.

– Я в порядке, – повторила я.

– Больше никогда мне не лги, Джианна.

Я была так ошеломлена, что даже не смогла возмутиться его приказному тону. Честно говоря, мне казалось, что я вишу на ниточке где-то высоко в небе и даже не волнуюсь о том, лопнет ли она, настолько мне было на все плевать.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Нет.

Я поднялась по лестнице, скинула с себя окровавленное платье на верхней ступеньке и отправилась в душ. Спустившись двадцать минут спустя, с мокрыми волосами и одетая в одну из белых футболок Туза, я обнаружила, что Аллистер все еще там и разговаривает по телефону, облокотившись об столешницу. Его цепкий взгляд со смесью тепла и раздражения нашел меня и прошелся по всему моему телу.

Дрожь пробежала по коже, сильнее, чем пчела, приближающаяся с намерением ужалить.

– Иди сюда, – сказал он, закончив разговор.

Когда я подошла, он протянул мне белую таблетку и стакан воды.

– Выпей.

Я даже не стала спрашивать, что это, – просто запила глотком воды и поставила стакан на стойку.

– До дна, Джаанна.

Я прищурилась, но допила до конца, как было сказано.

– В ящике есть еще, хватит на неделю. – В его голосе слышались резкие нотки. – Только без глупостей.

Он думал, что я попытаюсь словить передоз. У меня бывали ночи во много раз хуже этой, и я ни разу не думала о суициде. Впрочем, у меня не было ни сил, ни желания его переубеждать.

Я прошла мимо, и он поймал меня за футболку. Я посмотрела на него, не имея ни малейшего понятия, почему он был здесь, почему мне помогал. Несмотря на это, я внезапно почувствовала благодарность. Мне не хотелось быть одной.

Его взгляд нежно коснулся моего лица. Я не знала, что он искал, но его близость и тепло тела пронзали корку моего онемения и согревали изнутри. Мой взгляд смягчился, губы открылись, по коже пробежало пламя.

Он стиснул пальцы на футболке, и я подошла ближе. Он был слишком близко, и мне пришлось опереться ладонью о его живот, чтобы не упасть на него. Мускулы под моей рукой напряглись, но его лицо осталось невозмутимым.

– Что бы ты обо мне ни думала, Джаанна, я взрослый мужчина. В следующий раз выгляди передо мной прилично.

Его слова разрушили заклинание, под которым я была. Он ждал моего ответа, ждал, что я скажу что-то, что убедит его, что я не слетела с катушек окончательно, – его резкий тон практически требовал ответа. Я была уверена, что эта забота была напускной.

Отпихнув его, я вышла в гостиную, легла на диван и включила повтор мыльной оперы по телевизору. Я смотрела ее, не вникая в сюжет, и слушала глубокий тембр Аллистера на заднем плане, пока он снова говорил по телефону.

В какой-то момент я уснула. Мне снилось легкое прикосновение к моему лицу и два грубых слова, сказанных мне на ухо.

* * *

Закончив свой тур по воспоминаниям, я провалялась в кровати до полудня. Тишина в квартире была такой громкой, что от нее болели уши. Мне нравилась свобода, но я ненавидела жить одна. Я ненавидела быть одна. Это напоминало мне об отце. О хлопке двери и выключающемся свете.

Винсент поцеловал меня в щеку.

– Ты самое великолепное, что я когда-либо видел, – прошептал он мне на ухо.

Я засмеялась, стараясь не показать дискомфорт.

– Ты явно никогда не видел закаты в Карибском море.

– Видел, и поверь мне, они не идут ни в какое сравнение. Тебя проводить внутрь?

Я кивнула.

Винсент положил руку мне на талию и провел в клуб.

Это был день торжественного открытия после прошлогодней стрельбы. Урона было немного, а жертв всего шесть: Антонио, его брат, Сидни, Джон и двое Занетти. Но Нико все это время уделил мести, так что клуб снова открылся только сейчас.

Рука Винсента крепкой хваткой собственнически сжала мое бедро. Я не знала, что он будет присутствовать, но создавалось впечатление, будто последнее время он был везде, где была я. Мне не хотелось его отшивать, хотя было понятно, что скоро придется это сделать. Он был добрым, нежным и красивым – как раз мой типаж, – но я была неподходящей для него женщиной. Я не подходила никому.

Мне не нужна была любовь.

Но вот по сексу я скучала.

Так сильно, что теплое дыхание у моего уха уже вызвало прилив тепла между ног. Уже шесть месяцев, как я не прижималась ни к кому ртом, не чувствовала на себе тяжесть мужского тела, не забывалась в чувствах и прикосновениях. В прошлый раз это был стриптизер, которого я встретила в баре в Канкуне. Ему стоило всего лишь провести пальцем по ямочке за моим ухом, как я сдалась. В эмоциональном плане это ничего мне не дало, но вот физически о большем я и мечтать не могла. Горячо, потно и отчаянно. Прикосновения были нужны мне как воздух, и на данный момент у меня кончался кислород.

Винсент подвел меня к группе наших друзей, сидящих в круглой кабинке в уединенном углу. Обменявшись приветствиями и поцелуями в щечку, мы присоединились к компании.

Я остановилась у мужчины, прислонившегося к кабинке.

– Простите, кажется, не имела удовольствия с вами познакомиться?

Меня встретило лицо с резкими чертами и синие глаза.

– Я бы сказал, удовольствие сейчас испытываю я.

Очаровательно.

Незнакомец был немного выше меня и одет в угольно-черный костюм с галстуком. Он выглядел как джентльмен, говорил как джентльмен... но что-то в нем было такое, что я никак не могла уловить. Собственнически сжавшаяся рука Винсента на моем бедре меня раздражала.

– Отойду, куплю себе выпить. – Я вывернулась из хватки Винсента прежде, чем он успел запротестовать или предложить купить мне напиток. С него станется. Мне казалось, что он бы достал луну с неба, если бы я попросила. Он знал, кем был мой бывший муж, знал, в каких условиях я выросла, но, подобно настоящему джентльмену, никогда не поднимал эту тему. Если он думал, что сможет выжить в моем мире, то он ошибался. Его бы пережевывали и выплюнули обратно быстрее, чем он бы успел поздороваться.

Я остановилась у бара, осознав, что Очаровашка пошел за мной.

– Как тебя зовут?

Я склонила голову набок, встретившись с ним глазами через отражение в зеркале за барной стойкой.

– А тебе очень любопытно, да?

– Да.

– Почему?

– Хочу знать, как зовут девушку, которую сегодня трахну.

Уголки моих губ дернулись. Мне нравились прямолинейные люди, хотя... что-то в Очаровашке меня напрягало.

– Ужасно самоуверенно, – протянула я, забирая свой напиток у бармена.

Какая-то неведомая сила заставила меня посмотреть в сторону. Стоило догадаться, что там будет Аллистер. Он направлялся к столику, у которого стояли двое мужчин в черных костюмах и о чем-то разговаривали. Словно почувствовав мое присутствие так же, как я почувствовала его, он бросил взгляд в сторону и столкнулся с моим.

Я поняла, что было не так с Очаровашкой. Его синие глаза были блеклыми и мутными.

А не пронзающими и такими глубокими, что в них можно было бы утонуть.

«Прелестно». Я позволила отвратительно красивому федералу испортить мое восприятие цвета глаз.

Внимание Аллистера переключилось на мужчину рядом со мной. Его глаза сузились и сверкнули отвращением, прежде чем он отвернулся.

От его странной реакции у меня замедлилось сердцебиение, но я быстро отогнала от себя это чувство. Мне не нравилось думать о федерале, потому что каждый раз меня охватывала странная нервозность, оставляющая за собой пустое и непонятное ощущение в груди.

Я видела его несколько раз с тех пор, как он отвез меня к Тузу в прошлом году. Наши отношения продолжились с той же ноты, на которой всегда были. Но на этот раз казалось,

словно он не ухаживал за мной той ночью. Он был другим и излучал напряжение, которое я чувствовала кожей, даже просто стоя рядом с ним. Его ответы были краткими, тон грубее, и он часто просто уходил, бросая меня одну, словно его раздражало мое присутствие. Это надоедало.

– Так скажешь мне свое имя?

– Угадай, – наконец ответила я Очаровашке, переключив внимание на него.

– Хм. – Его глаза азартно вспыхнули. – Что-то красивое и элегантное, под стать тебе.

Я закатила глаза от неприкрытой лести, но заставила его угадывать еще минут десять, пока не допила напиток и не отошла в туалет.

И именно в тот момент, когда я проходила мимо мужского, дверь открылась и я столкнулась лицом к лицу с Аллистером. По непонятной причине мое сердце замерло.

– Здравствуй, офицер.

Аллистер не сказал ни слова, прожигая меня взглядом.

– *Окей*, – сказала я. – Хорошего вечера.

Я попыталась его обойти, но он преградил мне дорогу. Мы уже давно не играли в наши игры, и поэтому в венах забурлило предвкушение.

– Что ты делаешь рядом с Ноксом? – Аллистер говорил так тихо и плавно, что его голос отдавался в пальцах моих ног.

Я нахмурилась.

– Кто такой Нокс?

– Мужчина, с которым ты флиртуешь последние минут пятнадцать, – рыкнул он.

– Ну вот вы и ответили на собственный вопрос, не так ли, офицер? Флиртую.

Улыбка сошла с моего лица, когда Аллистер шагнул вперед, заставляя меня прижаться спиной к стене. У меня вырвался громкий вдох. Его руки уперлись в стену по обе стороны от меня, не давая сбежать. Он был так близко, что все мое тело пело внутри.

– Уверена, что Бюро не одобряет такого поведения, – выдохнула я.

Аллистер отвлекся и перевел взгляд на локон моих волос, коснувшийся его ладони. Он схватил его двумя пальцами, и едва заметное натяжение кожи головы тут же отдалось между ног.

Воздух искрил в тесном пространстве между нами, быстро заставляя меня терять уверенность, так что я снова открыла рот.

– Хотя, может, помогать женщинам – это ваше ежедневное задание...

– Заткнись.

Я возмущенно уставилась на него.

Аллистер выпустил мои волосы из пальцев и сфокусировался на моем лице. В его глазах лениво ворочалось что-то темное.

– Ты скажешь Ноксу, что тебе было приятно познакомиться, а потом пойдешь к своим друзьям.

Я рассмеялась, поняв, какую игру он выбрал. Ту, где он притворялся моим охранником. Она раздражала меня больше всего.

– Очень заманчивое требование, но я, пожалуй, откажусь.

Его глаза горели так ярко, словно я смотрела на солнце. Не выдержав, я уронила взгляд на его галстук – идеальный, как и всегда. Я бы поправила его, как делала обычно, но сейчас не подняла руки: от Аллистера исходило напряжение, от которого меня пробивало нервной дрожью.

– Ты ничего не знаешь о нем, Джианна.

– Мне не обязательно знать что-то о человеке, чтобы с ним переспать. – Я не собиралась спать с этим мутноглазым парнем, но Аллистер вынудил меня это ляпнуть.

В его горле раздался тихий рык, и я уставилась на него, замерев. Кто-то принимал эту игру слишком близко к сердцу.

Его рука соскользнула со стены, а голос стал спокойным.

– Ты не поедешь с ним домой.

Я посмотрела на его руку, разглаживающую галстук, и поняла, что мое либидо окончательно вышло из-под контроля, потому что я представляла эту руку на себе – в волосах, на горле, закрывающую рот. Жар пульсировал между моих ног.

– Я уйду с ним, если захочу, – выдавила я наконец.

– Только попробуй.

– Ты не можешь говорить мне, что делать.

– Уже сказал.

Именно поэтому я ненавидела эту игру. С звуком раздражения я поднырнула под его руку и направилась в женский туалет.

– Ты слышала меня, Жианна.

О, прекрасно слышала.

Но это еще не значит, что я собиралась его слушать.

* * *

Я всегда старалась не делать вещи назло кому-то, потому что каждый раз это заканчивалось глубокой кроличьей норой из сожалений. Но на этот раз, после тупой игры с Аллистером, я была готова отправиться напрямиком в местную версию Страны чудес.

Я помыла руки, вышла из туалета и замерла в конце коридора.

Во рту стало гадко.

Свет в комнате был приглушен, но огни освещали их, словно самую идеальную пару в комнате.

Рука брюнетки лежала на груди Аллистера, а сама она поднялась на цыпочки, чтобы что-то сказать ему на ухо. Не то чтобы это было невиданным зрелищем – девушки всегда вились вокруг него, – но он редко отвечал на их внимание, если только не пришел с ними на прием. Нет, внутри меня все сжалось от другого: от вида его руки на ее бедре, такой непринужденной, словно он всегда так делал.

Он касался ее.

Почему бы и нет? Она была стильной, сдержанной – всем, чем не являлась я. Он бы не стал касаться меня, даже если бы висел на краю обрыва и я была единственной, кто мог бы его вытащить.

Я не смогла сдержаться – желание поступить наперекор охватило меня электрическими волнами и отказалось отпустить.

«Аллистеру не выиграть в этой игре», – подумала я.

Но в итоге он ее, конечно, выиграл. Он выиграл все.

Я подпорхнула к Очаровашке, схватила его за галстук и потянула к выходу. Усмехнувшись, он последовал за мной.

Я повернула голову к Аллистеру. Брюнетка все еще что-то шептала ему на ухо, а его рука все еще лежала на ее бедре, но смотрел он на меня. Я сглотнула, когда его взгляд переместился на Очаровашку и лениво сверкнул, прежде чем превратиться в жуткую бездну. *Бессердечную*. Его глаза сулили месть. А потом он отвернулся и переключил все внимание на брюнетку, словно я просто не могла быть настолько глупой, чтобы его послушаться.

В груди вспыхнула злость. Я не собиралась позволять ему запугивать меня. Да и что он сделает? Он всего лишь слуга моей семьи, он не посмеет меня тронуть.

– Я не собираюсь с тобой спать, – сказала я Очаровашке. – Мне просто нужно, чтобы мой бывший приревновал. – Правду было бы сложнее объяснить.

– Как скажешь, детка.

Его склизкий ответ действовал мне на нервы. Теперь было видно, что все обаяние этого мужчины словно уронили в чан с маслом.

Моя квартира была всего в паре кварталов от клуба, и я направилась туда, надеясь, что Очаровашка отвалит где-то по дороге. К несчастью, он шел за мной, как потерявшийся щенок.

Я остановилась перед дверями подъезда.

– Ну, было приятно познакомиться. Спасибо за помощь.

Я повернулась, чтобы открыть дверь, но он схватил меня за запястье.

– Ну-ка погоди. Мне кажется, ты должна мне как минимум выпить. – Он усмехнулся. – Или пару дорожек. Мне интересно, чем торгуют Руссо.

В моем мире дорожка дури была эквивалентна бокалу шампанского. Если, конечно, речь не шла о семейном ужине – тогда ты даже не узнаешь, где лежат запасы. И все равно я закатила глаза. Будь он так хорошо знаком с моей семьей – знал бы и мое имя.

Но я и правда испортила ему вечер, да и он явно был больше заинтересован в наркотиках моей семьи, чем во мне, так что я открыла дверь ипустила его внутрь.

– Джианна, – поприветствовал меня консьерж. Ирландец семидесяти лет раньше звал меня мисс Руссо, пока я не пресекла это.

– Привет, Найл, – откликнулась я. – Это Очаровашка. – Я похлопала мужчину рядом с собой по груди.

Найл окинул его взглядом.

– Очарован, – пробормотал он, то ли как приветствие, то ли как издевку. Мне нравился Найл.

– А он не особо-то уважителен, а? – спросил Очаровашка с ноткой отвращения в голосе.

– Он ирландец, – ответила я, словно это все объясняло.

Мы вошли в квартиру, и я оставила дверь приоткрытой, чтобы он не вздумал оставаться. Пройдя в свою комнату, я взяла пакетик с комода и вернулась в гостиную, где он лапал мои вещи.

– Вот, – сказала я, кинув ему наркотик. – В благодарность.

Он чуть ли не потерял ладони в предвкушении.

– Давай распробуем, так ли эта штука хороша, как ее рекламируют.

– Именно так.

Я мысленно застонала, когда он высыпал порошок на мраморную столешницу.

В ярком освещении кухни было видно, что костюм у него поношенный, а ботинки поцарапаны. У него не было денег, и ему дико хотелось упороться. Господи, и зачем я притащила этого придурка к себе в квартиру?

Когда он поднял глаза, они сияли.

– Говорю же, – сказала я, сбрасывая туфли. – А теперь забирай и проваливай. В пять начинается повтор моего любимого сериала.

– Где еще?

– Бери, что дают, и не закатывай истерику.

Он прищурился, но меня это не особо волновало. Если бы он меня тронул, то к шести утра его бы нашли в переулке с заживо содранной кожей. И он это знал.

– Ладно. – Он попытался собрать каждую крупинку порошка со столешницы, и я поморщилась от этого зрелища.

Скрипнула дверь, и мой взгляд зацепился за кого-то, зашедшего в коридор. Черный костюм. Широкие плечи. Прямые линии. Мое сердце похолодело и покрылось коркой льда. Аллистер смотрел вниз, на свои руки, прикручивающие глушитель к стволу пистолета.

Горло сдавило, накатила паника.

Он поднял взгляд. Его глаза были такие холодные, что от них можно было словить обморожение.

– Нет, – выдохнула я.

Но было уже поздно.

Он распахнул дверь, неторопливым взглядом нашел Очаровашку. Раздался приглушенный хлопок. Кровь забрызгала столешницу и кухонные тумбы. В облаке белого порошка Очаровашка рухнул на пол с широко распахнутыми мутно-голубыми глазами и дырой во лбу.

Желчь подступила к горлу, и я согнулась, прижав руку ко рту.

Посмотрев на дверь, я столкнулась со взглядом, полным мрачного безразличия. Аллистер отвинтил глушитель и убрал его в карман.

От его апатии во мне вспыхнула такая злость, что в глазах все стало красным.

– *Figlio di puttana!* – выплюнула я. «Сукин ты сын».

Он развернулся к двери, и в моей груди вспыхнула ледяная паника.

– Стой, – умоляюще воскликнула я. – Не оставляй меня одну с этим! Аллистер!

Он даже не обернулся.

* * *

– Туз... он мертвый. – Моя рука тряслась, сжимая одноразовый телефон, которым полагось пользоваться в подобных случаях. – *Совсем мертвый.*

– Кто?

– Очаровашка, – пробормотала я, разглядывая тело на полу. Звучало так, словно я бредила, но лужа крови была близка к тому, чтобы впитаться в ковер.

– Где ты?

– В своей квартире.

– *Господи*, – пробормотал он. – Какого хрена ты натворила?

Я начала метаться по комнате.

– Да ничего я не делала! Аллистер его застрелил, а потом просто ушел!

Последовала длинная пауза.

– Да твою ж мать.

– У меня вся кухня теперь в крови, – всхлипнула я. Нико отвлекся, чтобы с кем-то переговорить, и в этот момент кровь дотекла до моего винтажного ковра. – Я его убью, – спокойным тоном заявила я.

– Ты его поблагодаришь, а потом захлопнешь варежку.

– Да я скорее с балкона выброшусь.

– Джианна, если ты испортишь мои отношения с Аллистером...

Я нахмурилась.

– В смысле? Я думала, он один из твоих?

Нико засмеялся.

– Он свой собственный. Моему отцу потребовалось много времени, чтобы уговорить его с нами работать, так что если ты умудрилась все испортить, то я лично тебя придушу.

Оу. Теперь понятно, почему Аллистер всегда смотрел на меня, как на слабоумную, когда я обращалась к нему, как к подчиненному. Я сглотнула.

– Я маленькая скромная девочка, как я могу испортить твои отношения с продажным федералом?

Он фыркнул.

– Ты «скромная» только тогда, когда тебе это нужно. *Никуда* не уходи, поняла меня?

– Но у него глаза открыты...

– Никуда, Джианна.

– Ладно.

Я завершила разговор и швырнула телефон на диван.

Спустя двадцать минут в квартиру вошли Лоренцо и Лука. Присвистнув, Лоренцо пнул ногу Очаровашки.

– Да уж, мертвее некуда.

Я поморщилась.

– А можно не пинать мертвых, пожалуйста?

Лука присел на корточки возле тела.

– Джианна, хочу ли я знать, что этот мудака делал в твоей квартире?

«Я пыталась выиграть... и потерпела сокрушительное поражение».

– Не хочешь, – вздохнула я.

Лоренцо втер в десны немного порошка с кухонной тумбы.

– Я знаю этого парня, – сказал он. – Нокс, кажется. Скользкий тип, наши ребята не раз к нему наведывались из-за игорных долгов. Какую-то сумму он до сих пор торчит.

– Вряд ли вы теперь ее получите от него, – пробормотала я, уходя к себе в комнату.

Приняв душ, посушила волосы и собрала их в высокий хвост, а затем оделась в джинсовые мини-шорты и топ с открытыми плечами, обнажающий несколько сантиметров живота. Когда я вышла из комнаты, тела уже не было, но кровь все еще покрывала каждую поверхность моей кухни. Злость сдавила мое горло.

Лоренцо и Лука вошли, смеясь над какой-то шуткой.

– Где живет Аллистер? – спросила я, не в силах скрыть яд в голосе.

Лука фыркнул.

– И что ты ему сделаешь?

Лоренцо покачал головой.

– С такими лучше не связываться, Джианна.

– Где. Он. Живет?

Лука пожал плечами.

– Иногда маленьким девочкам нужно преподать урок. Или парочку. – Я стиснула зубы в ответ на эти слова, но тут же забыла о мести, стоило ему произнести название апартаментного комплекса.

– Позови парней, я это дерьмо отмывать не буду. – Голос Луки стал приглушенным за дверью, захлопнувшейся за моей спиной.

Ярость пульсировала в моих венах всю дорогу до жилища Аллистера.

Высотка выглядела богаче, чем мог позволить себе агент спецслужб. Она полностью состояла из гладких линий и темного стекла, уходя в самое небо.

Так как Аллистер меня не ждал, пришлось использовать все свое природное обаяние, чтобы очаровать девушку на ресепшене. Возможно, я убедила ее, что я девушка Аллистера, у нас отношения на расстоянии, и я подозреваю его в измене. По моей щеке скатилась слеза.

Шаниква вздохнула с искренним сочувствием.

– Ох, милая, проходи, конечно. И если ты не надерешь ему задницу, то это сделаю я.

Аллистер жил в одной из трех квартир на сорок третьем этаже.

Я заколотила в дверь дрожащим от злости кулаком. Когда после первых трех ударов мне никто не ответил, я занесла руку для нового, но дверь открылась быстрее, чем я успела ее коснуться.

Даже не взглянув на него, я промаршировала в квартиру. Я понятия не имела, что собираюсь делать, но в любом случае не хотелось делать это под камерой наблюдения в коридоре.

Я не успела рассмотреть ни одной детали в помещении, потому что перед глазами стояла кровь, впитывающаяся в мой винтажный ковер. Дверь закрылась с тихим щелчком, и я

напряглась. Когда я обернулась, Аллистер стоял, прислонившись к двери. Руки скрещены, белая рубашка плотно облегает бицепсы. Единственная лампа над кухонным островом, освещавшая все пространство, отбрасывала тень на часть его лица. Тьма любила его – и у меня не было никаких сомнений, что он отвечал ей взаимностью.

Против своей воли я подумала, что этот мужчина был тем, к чему другие мужчины только стремились. Идеальный прототип. Все остальные ошибались в деталях.

Аллистер смотрел на меня мрачно, из-под полуприкрытых век, и я резко осознала, что нахожусь на его территории и он загораживает мне путь к отступлению. Кислород в квартире догорал со скоростью горящего бензина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.